

Пелевина Катерина

МОЙ ПЕРВЫЙ

НОКАУТ

бой за сердце

Пелевина Катерина

Нокаут. Бой за сердце

<https://litres.ru/74276319>

Аннотация

Он: Она ворвалась в мой спортклуб как ураган. Сбитые колени, синяки, но ни одного лишнего слова поначалу, ровно, как и благодарности за спасение. Я не планировал, не хотел и даже не думал в ту сторону... Но очерствевшая душа всё решила за меня...

Она: Он – холодный, замкнутый и своенравный. По его венам давно течёт не кровь – сама сталь. Тренер по боксу, владелец спортивного клуба этого захолустья. Я наткнулась на него случайно, когда убегала от людей, похитивших меня ночью в одном из баров столицы. Его ответ этим отморозкам был максимально коротким и безапелляционным – хорошие манеры или пуля в лоб. Они ушли и оставили меня там... А теперь он учит тем самым хорошим манерам меня саму...

– Бей или целуй, Аня, всё просто.

– Пожалуй, я выберу третье!

– Да ну? И что это, просвети.

– Выйду за тебя замуж!

Главный герой старше героини на девять лет♥️#

Ей – 18, ему – 27. Остальную информацию узнаем по ходу дела)

Обещаю юмор, безудержную страсть и безумную любовь. Но и без переживаний, как обычно, не обойтись! Пристегнись. Полетаем!

Не влезшие тэги: юмор, разница в возрасте, от ненависти до любви, боксёр, первая любовь, немного стекла, обязательный ХЭ)

НЕ ЗАБУДЬТЕ ДОБАВИТЬ КНИГУ В БИБЛИОТЕКУ И ПОСТАВИТЬ "НРАВИТСЯ" ♥# Пишите комментарии) Всегда рада♥#

Книга — участник литмоба "Мой первый"

Содержание

Пролог	5
Немного о героях+визы	8
Глава 1.	9
Глава 2.	19
Глава 3.	30
Глава 4.	41
Глава 5.	52
Глава 6.	60
Глава 7.	69
Глава 8.	75
Глава 9.	81
Глава 10.	87
Глава 11.	95
Глава 12.	100
Глава 13.	109
Глава 14.	114
Глава 15.	122
Глава 16.	132
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Пролог

Аня Михайлова

– Держи опору... Крепко стой на ногах. Бей корпусом – не руками... Да что б тебя, Аня!

– Я стараюсь, блин!

– Фигово стараешься! Дохлая как моль! Я тебя одним мизинцем сдвинуть могу! Что это за руки?! Макароны твёрже, я уверен – издевается он надо мной, а мне прям-таки тошно от его слов. Особенно, когда он нифига не подбадривающе шлёпает по ним, будто реально не чувствует никакой силы... Да и я хороша – проявлять рядом с ним такую слабость! Он ведь ясно показывает, что ему нужна сильная женщина. Под стать самому себе.

– Какой же ты гад! – выдаю обиженно и тут же бью ему в район солнечного сплетения, как учил, но он успевает поставить блок, закрывшись от меня. – Ненавижу тебя!

– Вот, ещё одно святое правило. Всегда будь готов. Противник бьёт тогда, когда больше всего не ждёшь.

– Я тебе не противник!

– Как знать, – отвечает с сарказмом.

– Ты никому не веришь...

– Не верю, – застывает передо мной, глядя в глаза. Каждый раз, когда я смотрю в его благородные карие, меня накрывает чем-то, словно одеялом. Рядом с ним исчезают все

мои ориентиры. И плоскость кажется мне кривой, а горизонт теряет свои перспективы. Я не умею быть как он, но стараюсь... А ещё... Меня невозможно к нему тянет, будто магнитом... Даже сердце отстукивает в пламенных губах. Я, кажется, нашла своё истинное предназначение. Смотреть на него. Изучать его повадки. Подчиняться... И где-то даже, возможно, немножечко хотеть. Как женщина хочет мужчину. Хотя я и не умею ничего такого. Но, чёрт возьми, как он хорош. Я уже не могу без него. Мы каждый день как на ринге, даже когда не дерёмся.

Почему-то же он на меня так смотрит. Я ловлю в этом суровом мужском взгляде нечто большее, чем он показывает или говорит напрямую. Его кадык дёргается на мгновение, а сам он выглядит напряжённым и взволнованным. Особенно когда наши взгляды переплетаются в безмолвной схватке, как сейчас.

– Мне тоже? – спрашиваю дрожащим шёпотом, в надежде услышать, что как раз мне-то он доверяет, всё-таки мы уже многое знаем друг о друге, но не тут-то было!

– Особенно тебе, – усмехается он в ответ, и я тут же бросаюсь к нему с поцелуем, ведь мне уже сил не хватает бороться с этим притяжением, но успеваю только мазнуть его губами по щетинистому подбородку и вдохнуть насыщенный запах кедра, табака и бергамота, потому что он дёргается назад, как от электрического тока, и хмурится, поймав мои глаза своими. – Чё это за хрень сейчас была?! Аня?!

– Я... Я просто хотела...

– Тренировка закончена на сегодня... – бросает он напоследок, спрыгивая с ринга, снимает перчатки и уходит прочь, даже не обернувшись...

Дорогие мои, буду рада любой поддержке! Звёздочки, отзывы приветствуются! Впервые участвую в литмобе) Очень волнительно на самом деле) Нуждаюсь в поддержке! Обещаю, что история зажжёт ваши сердца) Юмор, страсть, безумная любовь с щепоткой переживаний и сюжетными поворотами) Погнали)))) Кстати, в моей группе в ВК будут ожившие анимации по этой горячей парочке)

Немного о героях+визы

Вячеслав Соколов: 27 лет. Холост. Кандидат в мастера спорта России, многократный победитель и призёр турниров международного и национального значения в любителях. Однако после одного неприятного инцидента вынужден был оставить карьеру профессионального боксёра, вернуться из Москвы в свою родную обитель в Подмосковье и стать тренером. Преподаёт уже четвёртый год. Крайне суров, недоверчив и замкнут. Женщин глубоко не впускает и на это есть свои причины... Не особо приятные, разумеется...

Анна Михайлова: 18 лет, дочь Юрия Михайлова – бизнесмена, очень крутого адвоката, руководителя известного Московского юридического центра.

Эмоциональна, импульсивна, избалована и очень красива. В любом деле в первую очередь руководствуется чувствами... Парни были, но ничего серьёзного, потому что никто не внушал доверия и не имел перед Аней беспрекословного авторитета, который она ищет в своём потенциальном партнёре, даже если сама того не ведает...

Глава 1.

Аня Михайлова

– Я не знаю... Нет, он какой-то мутный. Смотрит подозрительно, Лена, нет, – мотаю головой, глядя на какого-то сомнительного ухажёра в баре, где мы с подругами празднуем мой восемнадцатый День Рождения. Казалось бы, повод радоваться и веселиться. Но они всё подбивают меня познакомиться с кем-нибудь. Тем более, я одинока. Пару месяцев назад рассталась с парнем, с которым мы что-то начинали, но в итоге ни к чему не пришли. Мне и не нужно было, потому что я не видела в нём того, кому бы доверилась и смогла искренне открыться. Полностью, а не ту жалкую часть, которую видят все мои знакомые. Красивые дорогие вещи, ярлыки, ухоженность и имя, от которого нигде не спрятаться.

– Ну и что ты теряешь?! Покрути хвостом, иначе так и будешь с такими мудаками вроде своего Алика мутить! – возмущается Роза, и Лена тут же поддакивает, поддерживая её слова. Мои подруги в целом хорошие, но в такие моменты мне хочется их прибить.

– Алик давно в прошлом, девочки. И я не хочу ни с кем мутить. Совсем. Тем более, что у меня с ним было несерьёзно... И я не хочу ничего...

– Ой, Аня! Ну он же не один там... Давай подсядем. Просто он пялится только на тебя, блин!

– И я что виновата?! – возмущенно смеюсь в ответ и пью свой последний за вечер коктейль. – Нет, девочки, не хочу я к ним, правда... Вы идите, если хотите... А я тут посижу.

– Ну... Ань... У тебя День Рождения же...

– А я вас отпускаю! Если что сама приду чуть попозже за вами. Давайте, – подталкиваю подружек к тем самым парням за дальним столиком, которые угощали нас весь вечер, а сама остаюсь за барной стойкой и размешиваю трубочкой свою вкусную оранжевую жижу. Обижаюсь ли? Ни сколько. Всё-таки раз им хочется, почему они должны сдерживать себя из-за того, что я врубила недотрогу. Я ведь не всегда такая категоричная. Порой и пообщаться могу и познакомиться. Даже пофлиртовать. Но сегодня такое поганое настроение, блин... И я не хочу портить его всем.

– Плохой день? – спрашивает бармен, протирая передо мной бокалы. Как чувствует. Они, кажется, всегда видят, будто их учат считывать эмоции с клиентов.

– Да нет... Вроде как День Рождения даже, – перекрикиваю я громкую музыку, стараясь не жаловаться.

– А чего не сказали? У нас в такие дни по бесплатному напитку, – выдаёт он с хитрой улыбочкой, ловко прокручивая в пальцах один из бокалов и ставит его на поверхность прямо перед моим лицом.

– Ой, нет... – тут же отрицательно мотаю головой. – Мне уже всё... Лишнее... Не хочу.

– Понял! – моментально ретируется он и принимает заказ

у кого-то ещё. Смотрю на подружек, они такие довольные там среди тех мужчин в рубашках и брюках, а я чувствую себя максимально некомфортно здесь. Согласилась только потому что они вытянули. У меня сейчас большой, даже огромный конфликт с родителями. Из-за того, что мои желания не соответствуют их ожиданиям. Хотят отправить меня учиться за границу. А я хочу остаться здесь, да ещё и пойти на ландшафтный дизайн, что для отца буквально позор всей его жизни, как он говорит мне. Всё, чего он хочет, чтобы я продолжила его дело. Отучилась на юридическом и пошла по его стопам, переняв в дальнейшем бизнес под свою гребёнку.

И я постоянно испытываю давление от них. Поэтому и сбежала сюда...

Однако очень скоро от громких возгласов становится так душно... Просто нереально душно. И я уже жалею, что мы пришли именно сюда.

Да ещё и выпила три коктейля, блин... Голова немного кружится.

Бросаю ещё один взгляд в сторону друзей. У них там знакомство в самом разгаре, а на меня они даже не смотрят, и я решаюсь выйти на улицу на две минутки, подышать свежим воздухом. Накидываю на платье кардиган и иду в сторону выхода. Ноги еле двигаются, а потом я толкаю дверь, и неуклюже спотыкаюсь о небольшой порожек...

– Не поранилась, красавица... Помочь? – кто-то подхватывает меня под локоть и ведёт в сторону парковки, а я...

Я почему-то обмякаю, теряю опору и связь с реальностью. Словно тряпичная кукла не ощущаю стержня в теле.

– Подождите... По... – еле вяжу лыком, ощущая, как меня очень быстро и резко толкают за заднее сиденье машины и увозят прочь в неизвестном направлении...

Глаза то закрываются, то приоткрываются. Тошнит. Слышу галдёж каких-то стрёмных парней рядом с собой, а один из них держит свою ладонь на моём бедре, утрамбовав её так, что обжигает. И меня всю трясёт, пока я понимаю, что меня просто опоили и похитили. Ничего не могу сделать толком, как оцепенела. И начать сопротивляться будет глупо. Меня просто вырубят, я уверена. Станет только хуже...

– Девчоночка хорошенькая, кстати. В этот раз он прям сочную выбрал, – слышу спереди.

– Секси, да, – подтверждает второй. – Я бы сам её поимел...

– Так может и поимеем после... Все по очереди, – ржут они, а у меня вдруг начинает бешенно колотиться сердце. Я немею и делаю вид, что нахожусь в отключке, но у меня всё нутро пополам скручивает. Господи. Как я могла так тупо попасть???

Не знаю, сколько мы едем, но так и не шевелюсь. Только слушаю их разговоры о том, что им хорошо за меня заплатят. Что будто какой-то главный велел им похитить именно меня. Словно за мной наблюдали заранее. О, ужас. Девчонки даже

не знают, где я. А я не знаю, где моя сумка. Не чувствую её на себе.

Машина вдруг останавливается, и я слышу громкий отчётливый гудок поезда неподалёку... Значит, мы на каком-то переезде, и это, блин, мой последний шанс. Вслушиваясь в стук колёсных пар, я резко дёргаю за ручку и вываливаюсь из машины, пока они начинают орать позади.

– Держи её! Какого хера, блядь?!

– Она разве не должна быть в отрубе?!

– Стой, дрянь!

Я впервые так быстро бегу... Никогда не умела нормально. Почва уходит из-под ног. Мне страшно, плохо и холодно. Но на адреналине даже со стёртыми в кровь ногами, мне удаётся перепрыгнуть через рельсы за несколько секунд до того, как проезжает поезд... А они все остаются там. На той стороне.

У меня чуть сердце из груди не выпрыгивает.

Всё, что я вижу перед собой – тёмный кажущийся непроходимым лес и какой-то посёлок вдалеке. Видимо, они вывезли меня в область...

Но времени думать нет. Вот и приходится бежать, куда глаза глядят. На всех скоростях я чешу в ту самую сторону. Тело болит и ноет.

Ночь окутывает всё вокруг, словно густой туман, толком не могу разобрать дороги. Сердце колотится в груди, как барабан, и каждый вдох обжигает лёгкие, наполненные холод-

ным воздухом. За спиной слышны голоса, грубые и злобные, эхом разносящиеся между деревьями, заставляющие меня ёжиться от ужаса. Страх сжимает горло, как невидимая рука, и я чувствую, как слёзы наворачиваются на глаза, но я не позволяю им пролиться. Мне нужно бежать вперёд...

Ветки хлещут по лицу одна за другой, оставляя жгучие царапины, а земля под ногами неровная, с корнями, которые так и норовят подставить подножку. Я спотыкаюсь, но тут же вскакиваю, адреналин пульсирует в венах, придавая сил, которых я и не знала в себе. Ранее не ощущала. Лес живёт своей жизнью: шорохи листьев, треск веток под моими же ногами, и в этом хаосе я различаю дыхание своих преследователей. Близкое, слишком близкое. Будто по памяти. Так действует паника, судя по всему. Мысли мечутся, как птицы в запертой клетке: «Почему именно я? Какого чёрта они выбрали именно меня?!».

Истерика накатывает волнами, смешиваясь с яростью на себя. Зачем я попёрлась туда одна?! Нужно было остаться с девчонками! Но глубже, под слоем страха, тлеет искра надежды – посёлок недалеко, огни домов мелькают сквозь деревья, обещая спасение.

Я вырываюсь на опушку, и вдруг яркий свет! Фонари мерцают впереди, как маяки в ночи. Уже близко. Ноги горят от усталости, мышцы кричат о пощаде, но я бегу быстрее, чувствуя, как страх превращается в решимость. Они отстают, их крики затихают, я уже их не слышу, и в этот миг облегчение

захлёстывает меня, сладкое и горькое одновременно. Я врываюсь в посёлок, где улицы кажутся бесконечными, и наконец позволяю себе остановиться, тяжело дыша, с сердцем, полным смеси ужаса и триумфа. Я оторвалась, слава Богу, преодолев, наверное, километров десять точно, без отдыха и передышек...

На дворе, судя по всему, часов пять утра. Никого толком нет. Осматриваясь, я боюсь увидеть тот самый внедорожник, в который меня затолкали... Поэтому иду какими-то окольными путями, ощущая, как по всему телу проходится дрожь. И сердце умирает от кульбитов в груди. Оно ещё никогда так яростно не молотило там.

Очень холодно и страшно. В незнакомом месте после того, что со мной пытались сделать...

А потом... Я не успеваю сообразить, как вижу, что путь мне преграждает та самая машина. Срываюсь с места в противоположном направлении и снова бегу. Хочется кричать, только почему-то язык как не родной. Будто подменили. Эти сволочи явно что-то мне подмешали или подлили. Меня ноги-то еле слушаются, а ещё бежать. Выходит, словно на ходулях.

В итоге я замечаю в каком-то первом попавшемся стареньком здании свет и мчу туда стрелою, словно мотылёк на солнце. Врываюсь внутрь, будто торнадо, задыхаясь и упав на пол от бессилия. Меня встречает полумрак, прерываемый редкими лучами солнца, пробивающимися через гряз-

ные окна огромного зала с высокими потолками, где в углу вдалеке я вижу одного единственного парня или мужчину... Который бросает на меня сосредоточенный хмурый взор, оторвавшись от груши, которую несколько секунд назад методично накрывал своими огромными обтянутыми чёрными бинтами кулаками...

А потом за мной толпой влетают эти отморозки. И тут же замечают его тоже, притормозив возле меня.

– Мужик, без выкрутасов, – цедит один из них и тут же подхватывает меня под локоть, пока я ору, рыдаю и пытаюсь пинать их, сопротивляясь, но меня крепко тащат, ухватив втроём, пока вдруг все мы не слышим сзади странный звук, как будто щелчок.

– Отпустили, – слышу я его грубый, но ровный голос, звучащий как команда «брось». Мы оборачиваемся. А у него в руках при этом какое-то ружьё. Я не сильна, но... Ощущение, что что-то типа дробовика или двустволки, как там её называют...

– Слышь... Ты чё, э, придурок... Без глупостей...

– У меня в зале так не разговаривают. Хорошие манеры или пуля в лоб. Отпустили и вышли отсюда, пока не пристрелил. Понятно? – спрашивает, и они тут же переглядываются. А потом меня всё-таки реально отпускают, и я заваливаюсь обратно на пол. А сами они выходят прочь из здания, бросив напоследок что-то вроде «Ты пожалеешь об этом».

В зале вдруг воцаряется мёртвая тишина. Я молчу. Он

молчит... Убирает своё ружьё и продолжает заниматься своими делами, делая вид, что меня не существует. Да я и сама не знаю, что говорить и как себя вести.

Тем более, что он спокойно передвигается, игнорируя моё присутствие. То на ринг поднимается, то уходит куда-то. А я просто сижу всё это время и наблюдаю за ним со стороны. Он, судя по всему, какой-то тренер. Потому что очень крупный и спортивный. Руки просто две кувалды. А ещё то, как он мутузил грушу не оставляет сомнений. Он явно тренирует здесь кого-то или же сам занимается... И я благодарна. Чёрт, я очень благодарна, что он спас меня. Даже если сам он совсем не требует никаких лавров за это.

Согревшись и успокоившись на какой-то лавочке сбоку, я вдруг понимаю, что сюда начинают прибегать мальчишки. Примерно от пяти лет и старше. Видимо, школьники. На меня смотрят бегло, но мне даже так не по себе, и я прячусь в самый дальний угол за матами, с трудом рассматривая свои убитые ноги. Теперь всё в коцках и царапинах... Кровь бежит, блин. Лишь бы не подцепить что-нибудь.

– Разминайтесь, я сейчас, – слышу его голос, а потом и вижу его перед собой с аптечкой в руках и каким-то пледом. Которые он кладёт рядом со мной, даже не глядя толком мне в глаза. А потом молча уходит обратно к своим воспитанникам... И я начинаю обрабатывать свои раны перекисью. Щиплет нереально. Я ведь всё себе содрала, пока бежала. На руках синяки. Выгляжу жалко. Но мне сейчас и не до то-

го, чтобы думать об этом. Плевать... Спасибо, что целая и нетронутая.

Затем некоторое время просто наблюдаю за ними отсюда... Боюсь выходить, будто спрятавшись здесь, как в личной крепости. Мне реально страшно. Вдруг они ждут меня там, на улице?

Закутавшись в тёплое покрывало, я сама не понимаю, как под звуки раздающихся ударов, тяжёлого дыхания, приглушённых команд тренера и гомона мальчишек прикрываю глаза и засыпаю, оперевшись на твёрдую стену, а когда просыпаюсь, неожиданно вдруг осознаю, что уже поздний вечер или даже ночь. Повсюду выключен свет и стоит мёртвая тишина, словно в склепе...

Он что... Запер меня здесь и спокойно ушёл домой?!

Глава 2.

Аня Михайлова

Начав гулять по этому пошарканному убитому зданию, я вдруг понимаю, что его стены облупились и поблекли ещё в прошлом столетии, словно забытые страницы старой книги. Трещины в штукатурке напоминают морщины на лице дряхлого старика, а окна, затянутые пыльными занавесками, едва пропускают сюда свет от фонарей, окружающих территорию.

Двери скрипят, когда я открываю их, и запах хлорки, резины и старой древесины тут же раздражает носовые пазухи. На полу — въевшиеся пятна от капель пота и следы от подошв, а на стенах — потрёпанные плакаты с изображениями каких-то боксёров. Судя по всему, здесь всё на ладан дышит и нуждается в хорошем капитальном ремонте. Но кто я такая, чтобы осуждать?

Замечаю, что тут есть душ в раздевалках. Не особо приличный, конечно, но хотя бы тёплая вода... А ещё...

Будто специально для меня стопочкой лежат какие-то вещи. Трикушки и футболка. Очевидно, что кого-то из воспитанников, потому что размер совпадает с моим. А я совсем не большая. В это как раз бы влезла. И ещё мне точно нужно помыться и переодеться. Что в итоге я и делаю, наплевав на разрешение или что-то такое.

Прислушиваюсь, конечно, к каждому шороху... Потому

что до сих пор боюсь. Чувствую себя загнанной в клетку дикой зверушкой. И сердце норовит вылететь из груди на каждом постороннем звуке. Я ведь не знаю, где я вообще и могу ли доверять здешним «обитателям».

В итоге быстро умывшись каким-то огромным куском уродливого мыла, пахнущего не то хвоей, не то мускусом, я вытираюсь насухо и ныряю в чистые вещи, начав стирать своё угаженное в ноль платье. Обуви у меня нет. Но на входе я вижу кучу тапочек и хотя я не любитель таскать чужую обувь, это лучше, чем цистит, чёрт возьми... Ведь тут ледяные полы.

Приходится рискнуть и взять чьи-то тапки от греха подальше, ну а дальше...

Я вдруг выхожу из раздевалки и чуть ли в обморок не падаю, потому что он стоит прямо передо мной и смотрит на меня сонными покрасневшими глазами, выглядя при этом как оживший монумент – не человек.

– Кран хорошо затянула?

У меня аж язык прилипает к нёбу. Я вообще не ожидала, что он до сих пор здесь. А тут такое неожиданное появление из ниоткуда.

– М... Вроде, – отвечаю ему, сглатывая, но он вздыхает и идёт перепроверять, пока я стою с мокрым платьем в руке и думаю куда же его повесить... Мысли о том, что он ночует здесь какого-то чёрта странно напрягают меня, но я стараюсь всячески отвлекаться. Он бы давно сделал мне что-то, если

хотел. А он защитил и даже выгонять не стал. Наверное, он просто хороший человек. Просто решил помочь, верно? Так ведь бывает, да?

Примерно через пять минут он возвращается, а моя вещь уже висит на стуле и бессовестно капает на пол.

– Надеюсь, ты не против...

– Отжимать не учили? – спрашивает он грубо, приподняв при этом свои густые брови. Вот это взгляд, блин. Он им, наверное, ничуть не хуже того самого ружья убивать умеет...

– Я отжала... – шепчу в ответ, а он закатывает глаза, хватая моё платье своими огромными лапами и уносит куда-то. После чего буквально через две минуты возвращает его в таком состоянии, что им можно вытирать полы, потому что оно всё мятое... От и до. Спасибо, блин, за помощь... Теперь всё просто шикарно. Нет слов.

Страхнув его несколько раз от уродливых полос избавиться не удаётся, но я всё равно вешаю его на спинку и смотрю на моего нового знакомого с опаской. Он не кажется мне дружелюбным, если честно. Особенно сейчас.

– Идём за мной, – зовёт он меня, и я осторожно ступаю за ним. – У меня особо здесь ничего нет. Всё, что имеется, как говорится. – заводит меня в небольшое помещение, где, судя по всему, готовит и возможно даже спит... Тут небольшая печка. Пахнет жареной картошкой и кофе... Пусть растворимым, но мне плевать... Я так хочу есть, что когда он даёт мне вилку, тут же нападаю на еду, словно оголодавший зверь.

– Извини, просто те люди... Они на меня напали... Я... – давлюсь, протараторив, а он перебивает.

– Меня это не интересует. Поешь, отдохнёшь, отчалишь отсюда, – выдаёт он максимально равнодушно, и я с трудом проглатываю всё то, что влопыхах натолкала в рот.

Просто киваю и стараюсь не смотреть на него... Хотя мне показалось, что он проявил участливость, но, видимо, я ошибалась... И вот ещё что. Мне не к кому больше обратиться и ругаться с ним не лучший вариант, как и скандалить, качать права. Если я сейчас позвоню родителям... Это будет значить одно – принять свою беспомощность и следовать их правилам. Во всём... Включая учёбу и отцовский бизнес.

Поэтому я молчу в тряпочку и жру эту божественно пожаренную картошку, как варвар. А может, она кажется мне такой, потому что я уже вторые сутки на собственных запасах энергии... А на них далеко не уедешь.

Он не смотрит на меня. Изучает что-то в телефоне. И тайком я понимаю, что какие-то бои. Хотела бы я тоже быть сильной. Уметь драться. Но у меня никогда таких габаритов как у него не будет, конечно. Впрочем, как и силы...

– Спасибо за еду, – говорю, встав, и только хочу уйти, как вдруг слышу.

– А посуда? Поела – убери за собой, у нас прислуги нет, – добавляет так, словно хоть что-то обо мне знает. Режет по самолюбию. словно специально меня задел, козлина. Это же был прямой выпад в мою сторону. Пренебрежение или скры-

тое осуждение богатых, как я поняла. А кто виноват, что он родился нищевродом? Я? – Раковину ты видела. Там же губка и средство. Вперёд.

Чувствую себя малолеткой рядом с ним... Этот наглый высокомерный тон. Именно так он ко мне и относится. Как к тупой малолетке. Хотя, наверное, так и есть. Ему точно лет двадцать восемь... Или чуть меньше, не знаю. Морщин у него нет, но он какой-то взрослый по поведению. А мне только вчера исполнилось восемнадцать...

Такой себе выдался день рождения, конечно. Наверное, девочки и родители там все на панике. Если не думают, что я уехала с каким-нибудь парнем гулять. Потому что у меня раньше бывало. Познакомлюсь и болтаем... Обо всём и ни о чём. Дальше поцелуев, конечно, не заходило. Ведь большинство знали, чья я дочь и боялись связываться. А те, кто выкрали меня, похоже, иногородние...

Что ж...

Иду мыть посуду. Впервые, кстати. Ведь у нас реально дома всё в прислуге.

И я ничего сложнее кружки никогда не вымывала. Видимо, самое время начать.

Беру губку и начинаю шоркать дно этой старинной чугунной сковороды, которое, кажется, можно очистить только если сжечь её нафиг. Но мне сейчас правда не до споров с этим верзилой. Он выглядит очень даже серьёзно и устрашающе. Поэтому я планирую отмыть её и подумать о том, что мне

делать дальше. Все деньги на телефоне. Единственное, что у меня осталось – платиновая цепочка с бриллиантовым кулоном. Но где здесь её толкнешь? Да и разве получишь за неё хоть что-то стоящее? Сомневаюсь...

Блиииин. Вот я впухла, а...

Долбанная сковорода!

Я, наверное, минут двадцать её шоркаю, а потом прихожу к нему с жалостливым лицом и начинаю ныть.

– Я не могу её отмыть...

– Так замочи.

– И всё? Так просто?

– Ну да. Так просто, – отвечает он и безэмоционально отворачивается к стене, продолжив смотреть свои бои. Вот ведь сухарь без души! Неужели его совсем не интересует, что со мной случилось?! Даже не спросил, не пожалел! Ничего!

– Можно я пойду в общий зал...?

– Иди...

Смотрю на размах его плеч и трицепсы, которые доступны глазу с этого ракурса, и просто растекаюсь на месте от этих рельефов, пока он неожиданно не оборачивается, застав меня врасплох.

– Ты ещё здесь?!

– Ухожу, – отвечаю ему тихонько и юркаю в коридор. Вот ведь дура, а... Наверное, ещё непонятно что обо мне подумал. Кстати... Интересно, что он обо мне подумал? Вряд ли к нему тут так часто гости вроде меня жалуют.

Блин... Чувствую себя нереально уязвимой. Кажется, впервые отец был прав насчёт меня – без них я ни на что не способна. Нет ни стержня, ни уверенности в завтрашнем дне, ни малейшего представления о том, что же мне теперь делать...

Ранним утром ещё перед тем, как мальчишки приходят сюда, я мажу зубы зубной пастой и просто шоркаю по ним пальцем за неимением щётки и чего-то такого. А затем встречаюсь глазами с тем самым парнем, который проходит мимо, очевидно, направившись в душ.

– Эй... – зову я его, не зная даже как назвать. – Эй, погоди...

– Что?

– Как тебя зовут?

– Вячеслав Александрович, – сообщает мне важно.

– М-м-м... Слава, да?

– Вячеслав Александрович, – повторяет, угрюмо на меня взглянув. Теперь я поняла, кого он напоминает мне своим поведением. Злого орка, что живёт в одиночестве на болоте... Шрэка...

– Что ж... Ладно... Вячеслав... Александрович. У... Вас случайно нет запасной зубной щётки или типа того?

– Случайно нет. Здесь не магазин, – резко затыкает меня одной фразой. Словно я, блин, не знаю, что это не магазин...

Я тут же разворачиваюсь и хочу уйти, но он окликает.

– Стой. Что ещё тебе нужно? – неожиданно спрашивает, застав меня врасплох.

– Ну... – задумчиво отвечаю. – Было бы неплохо шампунь... Щетку, какое-нибудь мыло. Не такое...

– А с этим что не так?! – интересуется уже возмущенно.

– Оно сушит...

Он лишь насмехается, покачивая головой, а потом бросает напоследок:

– В коморке кофе и бутеры. Хочешь есть – можешь присоединиться.

Я молчу, а он уходит, перебрасывая полотенце через плечо.

Блин... Вячеслав Александрович, Вы меня просто убиваете... Даже не спросил, как меня зовут в ответ. Будто бы реально похрен. Вот что за человек такой?! Словно полено, блин. Без души.

В итоге я прихожу туда, сажусь завтракать... Никого не трогаю, и неожиданно он возвращается. Полуголый, блин... В одних штанах. Аполлон во всей его красе. Господи, за что?! Ещё и будто маслом намазанный! Помогите! Я не могу смотреть на его тело и тут же по-тупому давлюсь бутербродом, начав кашлять на всю его коморку. А он игнорит, натягивая на себя футболку. Видели бы его мои девчонки, они бы тут уже всё слюнями закапали.

– Бедовая, – цедит он, присаживаясь напротив.

– Спасибо, что помог! – вдыхаю желанную порцию возду-

ха, прокашлявшись и выдавив крошки из горла.

– Я бы никак не смог тебе помочь. Если бы реально подавилась, отгеймлихил бы тебя.

– Чего?! – тут же вспыхиваю, а он ржёт.

– Не нужно возмущаться. Почитай сначала, что такое метод Геймлиха. И успокойся уже, ешь. Когда я ем... – парирует и отпивает свой кофе. Его чопорность вкупе с высокомерием просто неистово меня бесит. И это при том, что он живёт в какой-то комнате два на пять в старом здании. У него даже дома нет, блин! Но почему-то я чувствую себя лохушкой на его фоне...

Вот как так, а?!

Сiju и наяриваю хлеб с сыром и колбасой, а ещё чищу яйцо, блин... Тогда как обычно у меня сбалансированное питание, приготовленное моей экономкой... Я совсем не приспособлена к этой жизни...

Когда наконец доедаем, он смотрит на меня искоса.

– Сковорода, как заметил, всё ещё в раковине. Ждёт твоего звёздного часа, – язвительно выдаёт, собирая за собой скорлупу в широченную крепкую ладонь и высыпает в общую тару. – И это помой, будь добра...

Я молчу. Скрипя зубами, провожаю его взглядом, пока он полностью не исчезает с горизонта, и вздыхаю.

– Терпи, Аня... Он мог вообще тебе не помогать, – напоминаю зажавшемуся эго. – И тебя бы сейчас насиловали где-нибудь далеко отсюда. Толпа тех жутких отморозков. О,

ужас...

Тут же встаю, вытянувшись струной, и иду мыть посуду для этого прекрасного добродушного человека. Не знаю, ждут ли меня эти придурки там, но... Пока мою посуду в туалете, неожиданно туда заглядывает один из мальчишек.

– Ой... А ты подруга Сокола, да? – интересуется с хитрой улыбочкой.

– Сокола... Кто это?

– А... – тут же растерянно подбирается мальчишка. – Ну, Вячеслава Александровича...

– Понятно... Я не подруга. Так... Знакомая, – улыбаюсь ему, стряхивая посуду от лишней воды и ставя её на тумбочку.

– М-м-м... Ясно. Ты не говори ему, что я так назвал, – шепчет мне, заставив меня усмехнуться. Он, видимо, держит их в ежовых рукавицах. Гроза всех сельских мальчишек, блин... Вячеслав Александрович...

Теперь это имя будет клеймом выжжено на моей памяти. Особенно то, с каким гонором он его произнёс.

– Хорошо, я – могила, – шепчу в ответ, и он убегает. А я уношу в ту самую коморку уже вымытую посуду. И даже чистую сковороду, что не мало важно, кстати. А то вдруг он подумал, что я не умею мыть посуду. А я, оказывается, умею. Меня только направить нужно...

И в результате я молча сажусь в угол того самого зала, где они занимаются и наблюдаю исподтишка... В частности, за

тем, как он показывает приёмы старшим. Не знаю, сколько лет мальчишкам. Наверное, по восемнадцать. Выглядят они как мои годки. Но широкоплечие и мускулистые. Видно, что он конкретно ими занимается.

– Так, ну-ка брэк! Это чё такое, – залезает на ринг к одному из них. – У тебя рука ведёт. Стойку принял быстро... – принохивается и смотрит ему в глаза. А я становлюсь свидетелем всей этой драмы. – Бухал вчера, что ли? Саня, отвечай!

– Ну...

– Вали на хер отсюда.

– Вячеслав Александрович!

– Я говорю – на хер шёл. И чтобы с похмелья я тебя здесь больше не видел. Всех касается, – огрызается на них, и они пожимают плечами, пока тот самый парень опускает голову, прыгивает с ринга и снимает перчатки.

– Кто следующий? – спрашивает Слава громко, и я не знаю, что на меня находит.

– Ну, давай я, – выкрикиваю издалека, сталкиваясь с его сердитыми карими, и мгновенно проглатываю ком, потому что там столько ярости, сколько я не видела за всю свою пока ещё коротенькую жизнь...

И такими темпами, возможно, никогда не увижу...

Глава 3.

Вячеслав Соколов

Как же меня бесит эта девчонка. Нереально просто. Выскочка же, сразу заметил. Просто избалованная своенравная выскочка. Я даже знать не хочу, что там у неё в жизни произошло, потому что связываться с такими себе дороже. Ничем хорошим не закончится. Выпотрошит тебя без остатка и бросит, нахрен, под ноги, как осушенную банку из-под газировки на дороге.

Чисто с целью проучить приглашаю её на ринг в спарринге с Антохой. Ему как бы десять. Но он у нас панчер ещё тот.

– Блин, только не с девчонкой, – ворчит он, пока я угораю и спускаюсь вниз, чтобы помочь ей затянуть бинты, которые она столь неаккуратно перекручивает руками, словно не видит, где у них края. Рукожопая, блин.

– В спарринге хоть раз участвовала? – спрашиваю, подходя в упор, и смотрю вблизи на эти неловкие сомнительные манипуляции с её стороны. Волосы у неё хоть и ухоженные, но после душа все взлохмаченные. Оно и понятно – здесь нет ни расчёски, ничего из этого. Куплю ей на обеде. Обещал же... – Мош на распродажах за туфли не считается.

– Я вообще не умею, – бормочет она растерянно в ответ. Практически украдкой и шёпотом, чтобы гогочущие парни позади нас ничего не слышали. Стесняется, значит. Ну надо

же... Я думал, она вообще не умеет. Гонора-то больше, чем у наглого политикана. Ну и спеси ещё ведро.

– А хрена ли вызвалась? Мало синяков, что ли?

– Научиться хочу, – пищит она в ответ, но смотрит так бойко, что у меня все слова из башки пропадают, что я крайне недобро желал ей сейчас высказать. Она, блин, даже посуду не в состоянии помыть, что говорить про ринг? Мелкая... Может и спортивная, но максимум в заднице. Как и остальные курёхи её возраста. Руки слабые. Ладони, на которые сразу обратил внимание, слишком ухоженные. Значит, она ничего тяжелее одного всем известного предмета в них не держала...

– Зовут как? – стягиваю бинты вплотную по её кистям. Маникюр она, конечно, знатно подпортила, когда сваливала от тех упырей. Я прям-таки замечаю, как содрала половину своего нежного покрытия.

– Наконец спросил, – бормочет она будто бы обиженно.

– У нас так положено. Плевать мне на твоё имя, честно, – отрезаю я, заканчивая, и сую ей перчатки Сани. Я и без того злой. У них соревнования на носу, они не готовы, так ещё и бухают перед тренировкой. Совсем уже оборзели, черти малолетние. В который раз уже думаю бросить всё это, но всё время появляется какая-то несчастная мамашка на пороге и слёзно умоляет меня остаться. Мол как же мы без Вас!? Кто наших парней мужчинами будет учить быть?! А вы их сначала научите дисциплине... Я тут бессилен, если с детства

не пошло.

– Я – Аня! – наконец представляется девчонка, причём слишком дерзко выкрикивает мне в лицо, а я пожимаю плечами, заканчивая с ней.

Делаю шаг в сторону и приподнимаю одну бровь, пропуская даму вперёд.

– Ну давай, Аня, жги, – выдаю напоследок. – Покажи, что можешь...

– О, Господи, – вздыхает она и поднимается на ринг, а я иду за ней и ржу в душе, думая о том, что он бы её сейчас с первого удара отключил, если бы мог. Подхожу к Антохе и хватаю за плечо.

– Помним наше правило, да? Помним же? Не надо повторять?

– Помним, – вздыхает он, осунувшись.

– Ну ты чё? Выше нос! Тебе же лучше. Тренировка будет от души...

– Ага, – бубнит он, пока я встаю между ними и подмигиваю ей. Не флиртую, конечно, нет. Боже, упаси. Мне кажется, я и не умею уже ничего подобного делать.

– Ну, поехали... Бокс! – отхожу назад и пристально люблюсь тем, как Антоха делает несколько шагов назад и искусно начинает дурить ей башку, пока та прыгает вокруг него и чуть ли не взвизгивает от напряжения, как обезьяна. Ёб твою мать... Это просто надо видеть. Я с трудом сдерживаюсь, чтобы не упасть на пол и не заржать как конь, иначе

она спалит, и это представление закончится. А я хочу ещё... Желательно на бис!

— Ну что, Аня, будет какой-то махач или мне идти в магазин? — не успеваю засмеяться, как девчонка делает выпад и бьёт правой рукой, но Антоха естественно методично уплывает в сторону, заставив её чуть ли не завалиться следом.

Признаться честно — порыв был. Уже хорошо. А-то ведь многие только ждут ударов, чтобы обороняться. А эта сама в бой лезет. Уважаю. Но только в этом вопросе.

— Ещё давай работай.

Второй, третий, четвёртый. И она просто гоняет его по заданной траектории, как дурочка. Пыхтит, фыркает, бесится, что не может достать его, а самое главное, сама же себя выматывает.

— Почему ты не дерёшься?! — выпаливает ему истерично.

— У нас правило, — выдаёт он с усмешкой.

— Какое ещё правило?!

— Мы девушек не трогаем. Никогда, — отрезает он, повторяя мои слова, и она тут же замирает и смотрит на меня волком, встав в позу сахарницы.

— Ты специально?!

— Специально. Хотел посмотреть, как двигаешься.

— И как я двигаюсь?

— Ужасно, — ржу я в ответ, а она с психом слезает оттуда и матерится, сдёргивая с себя перчатки.

— У нас ещё одно правило, Аня. Мы не заканчиваем бой

просто так. Без счёта...

– И что мне делать, блин?!

– Ударь его. Нормально ударь хотя бы один раз, блин. Покажи на что способна, или вали отсюда с концами. Идёт?! – ставлю условие, а у неё загораются глаза. Ни разу не замечал, чтобы так смотрели. Особо ни с кем не ругался. Но у неё там коктейль из эмоций просто. Жгучая лава, а не характер.

– Ты...

– Вячеслав Александрович, не забывай, – улыбаюсь я, пока она сверлит меня своими огромными карими омутами. Загар у неё, конечно, очевидно, не сделанный. Видать, отдыхала где-то в тёплых краях. Возможно за счёт папика, как большинство. Не знаю уж, кто там за ней охотился. Может, его охрана? Не доработала что ли... Даже думать об этом не желаю. Как-то пофиг.

Она психует, но возвращается обратно. И я делаю для себя выводы, что пойти ей сейчас некуда. Не понимаю, почему в отделение не обратится? Эскортница? Воровка? Какие ещё предположения могут родиться в моей голове? Да любые, блин. Я вообще женщинам не доверяю. Особенно после моего последнего опыта.

– Антоша, танцуй! – смеюсь, пока она поднимается обратно. Не знаю, сколько ещё длится это цирковое представление, но парни уже заливаются слезами, пока наблюдают за тем, как она делает жалкие попытки достать его. Уже просто бежит за ним и выдыхается.

– Анютааааа... Ну что же ты...

– Да, блин! Пусть подойдёт ко мне! – психует, словно истеричка, сооротив при этом максимально жалостливую гримасу.

– Он тебя изматывает. А ты ведёшься...

– И что мне делать тогда?! – взрывается нетерпеливо. Хочет, чтобы я ей всё и сразу тут по полочкам разложил. Эх, зевака...

– Думай...

– Думать... Прекрасно! Думала я на учёбе, когда поступала в самый престижный ВУЗ Москвы! А это всего лишь тупой бокс! – выпаливает она, и мои парни тут же округляют глаза и начинается возмущённый гомон. Да я и сам, если честно, в ахере с её наглости. Ну, просто потому что это ведь хамство уже. Мало того, что меня уела, так ещё и по парням прошлась. Некрасиво, Аня... Ой, как некрасиво...

– О-о-о... Капец... Началось...

– Всего лишь тупой бокс, говоришь? – насмехаюсь я, спускаюсь вниз за перчатками.

– Что ты делаешь? – спрашивает она, наблюдая за мной.

– Гор, выходи давай. Давай-давай, – гоню Ваньку на спарринг со мной, и он тут же подрывается, на ходу натянув перчатки. У него техника прекрасная. Двигается быстро. Нокаутирует прилично. Он у меня не самый лучший, но я его выделяю. – Давай, бокс. – сразу же бросаю ему, только-только мы встречаемся взглядами. Семеню и обращаюсь к Ане.

– Что я делаю, по-твоему?

– Ничего... Стоишь...

Парни угорают, а я ещё сильнее насмехаюсь.

– Ещё попытка...

– Ну, просто двигаешься...

– Да, ты так уверена?

– А что ты делаешь?!

Едва вижу, как у Гора дёргается желвак, тут же ухожу влево, одарив его хуком в межрёберье.

– Изучаю его, конечно же. Каждую его тактику. Преду-гадываю очередной удар. Думаешь, это так легко? Бокс не только салки по рингу и раздача тумачков. Я могу выхлестнуть его на раз. А в чём для него будет урок, Аня? – спрашиваю и слышу тишину. – Молчишь? Уже хорошо. Мне казалось, ты не из таких сообразительных... Иначе бы явно не стала здесь кичиться МГУ-шкой перед десятилетками.

– Да пошёл ты! – выпаливает она озлобленно и начинает снимать перчатки, небрежно скидывая их на лавку у ринга.

– Ага. Выход вон там, – указываю ей на дверь, когда она фыркает и уходит отсюда, а я качаю головой.

Никакого, сука, воспитания...

– Чего встали-то? Тренировка что ли окончена? Вас кто-то отпускал? За работу! Митюх, Зарецкий на ринг...

Пока наблюдаю за парнями, уже почти забываю о том, что два дня тут тусила какая-то неуравновешенная пигалица из столицы с завышенным самомнением. Я в принципе человек

неприятный, а когда со мной как с дерьмом после того, что я её, между прочим, спас. Взял и вмешался какого-то хера, хотя мог просто дождаться, когда её вынесут и продолжать работать. Но я же не привык, чтобы кто-то рядом проявлял физическую грубость к женщине, вот всё и пошло не по тому сценарию. А теперь ещё сиди и думай не убили ли её там на улице... Стерва, блин. Нашла тупых.

Неожиданно для себя замечаю, что начинаю жрать свои ногти, хотя у меня такого сто лет уже не было.

– Тьфу, нахрен! – психую и иду к двери, ведущей на зданий двор, посмотреть куда она направилась. Ругаю себя мысленно, конечно, но всё равно по-тупому переживаю.

– Тренер! Ты куда? – зовёт позади самый мелкий, но я игнорю. Иду проверить свалила ли окончательно.

Когда выхожу, осматриваюсь. Подозрительных машин в округе нет. И её тоже след простыл. Значит, всё-таки свалила... Ну и флаг в одно место. Всего доброго, нахрен. Закрываю дверь на замок, а сам возвращаюсь обратно к ребятам, благодаря высшие силы за то, что забрали у меня ещё одну проблему.

И когда стрелка часов показывает пять, я слышу громкий стук, раздающийся с той стороны.

Сначала напрягаюсь и наостряю уши, а когда стук повторяется, иду туда и прихватываю с собой ружьё. На всякий случай. Мало ли. Вдруг эти отморозки вернулись, и я не ясно выразился?

– Кто? – спрашиваю перед тем, как открыть, пока не слышу её тонкий голос.

– Аня...

Закатываю глаза и громко вздыхаю, матерясь себе под нос и чертыхаясь. Какого хера, а?!

Открываю дверь и смотрю на неё волком.

– Чего тебе?!

– Я еды принесла, – протягивает пакет в мою руку, словно делает примирительный жест.

– Ты так извиняешься за тупой бокс, да?

Она смотрит на меня таким взглядом, будто сейчас в обморок завалится. Не привыкла девочка признавать вину. Понимаем... И вот что мне с ней делать-то, а?! Городская Вы наша...

– Я всё ещё жду...

– Извини... Правда извини, – выпаливает в ответ.

– Ладно, давай сюда свою жратву, – перехватываю пакет и раскрываю. – Ты что банк ограбила? Икру-то нафига взяла?

– Я... Я цепочку продала, – бормочет она, заставив меня мысленно покрутить у виска. Я раскрываю дверь шире и выпускаю её внутрь, а дальше мы идём в сторону моего кабинета.

– Кому?

– Женщине в администрации... Такой... Седовласой...

– Ну не вернешь теперь... – усмехаюсь я, потому что это Ильинична. А та за своё намертво борется. Ей палец в рот

не клади.

– Верну! Я верну! Мне только телефон восстановить надо...

– Ну-ну, удачи... – заходим внутрь, и я достаю продукты, убирая те в холодильник. Уже на дне вижу всякие шоколадки. – О, а это кстати... – беру их и тащу пацанам.

– Эй! Я себе взяла! – пищит она, семена за мной.

– Ну а у нас делятся, блин.

– Слава, подожди! – дёргает она меня за руку, и я останавливаюсь перед входом в зал. Не могу, блин, когда ко мне так обращаются. Хз почему. Казалось бы – да. Моё имя, но. Я уже привык – Вячеслав Александрович. Везде... Потому что это Слава режет по-живому...

– Что?

– Научи меня... Научи драться.

– Зачем?

– Ты ведь сам видел зачем... Я чудом спаслась... А если бы на тебя не наткнулась, то... Неизвестно чем бы всё закончилось для меня, – заглядывает в глаза, будто поддержки там ищет. Ох уж эти женщины...

Где-то глазками повела. Где-то похлопала ресничками и всё. А уж такой как она и подавно в жизни повезло. Слишком красивая, чтобы не уметь этим пользоваться...

– Окей. Слушай сюда. Никакого хамства больше в отношении ребят и нашей деятельности или проваливай. Никакого неуважения и наглости. Дисциплина. Если живёшь тут,

делаешь всё, что нужно. Убираешь за собой, готовишь, стираешь. Научишься более-менее стоять за себя – до свидания. Всё поняла? – спрашиваю у неё, и тут же вижу, как в её глазах появляется какой-то нездоровый блеск счастья, влетающий в меня самого яркими, но болезненными воспоминания. А девчонка с лёгкостью и улыбкой отвечает:

– Поняла... – демонстративно обходит меня стороной и двигается в сторону общего зала первой...

Глава 4.

Аня Михайлова

Капец, что мне пришлось за это время пережить... Зря я ушла оттуда и поругалась с ним. Просто зря. Тут все такие недоброжелательные. И на меня везде смотрели, как на воровку или того хуже... Девушку лёгкого поведения. Я с трудом продала цепочку и то обещала, что за ней вернусь. Не знаю уж, что та женщина подумала. Но вид у неё был крайне недоверчивый и агрессивный.

Ещё я выпросила у неё один звонок. Своей маме. Единственный номер, который я знаю наизусть. Сказала ей, что всё ещё с девочками, отдыхаю. И якобы не желаю возвращаться домой, потому что отец снова заведёт свою шарманку о бизнесе. Не знаю уж потеряли ли меня Лена с Розой, но родителям не звонили. Наверное, подумали, что я уехала с каким-нибудь парнем и не хотели мне мешать... Всего вторые сутки пошли, конечно, но как-то обидно... Телефон-то мой потерял. И я в этом захолюстье торчу, словно мне некуда больше поехать, хотя это не так... Ещё и продала единственную ценную для себя вещь меньше чем за пятьдесят тысяч... Кошмар.

Да и его слова меня совсем не утешили. Что значит – не вернёшь теперь её? Сейчас, ага! Так я ей её и отдала навсегда! Это отцовский подарок вообще-то!

И я точно вернусь за ней... Зубами выгрызу, но верну!

Никогда ещё не ощущала себя более унижительно, если честно.

– Итак, Господа, – звучит из его уст позади. – Отныне это не просто Аня. А член нашей большой дружной команды...

– И где же член? – спрашивает один из мальчишек-подростков и все начинают смеяться.

Но Слава ведь такой. У него реально не забалуешь. И следом за этими унижениями, брошенными в мой адрес звучит громкий бас.

– Так, рты позакрывали. Все шутки ниже пояса за стенами зала. Сами в курсе. Аня будет вашим товарищем в бою. Поэтому с этого момента её разрешено мутузить, зажимать и скручивать пополам, всем всё понятно?

– Что?! – тут же выпаливаю, глядя на него осоловелым взглядом, пока они ржут, а потом он кладёт свою огромную ладонь мне на плечо.

– Это шутка. Успокойся... Но шоколадками всё же придётся поделиться...

– Ладно, – вздыхаю я, и он тут же вынимает их из карманов своих трикушек.

– А это от Аньки на общак в честь знакомства...

– О-о-о, круто! – тут же налетают они как чайки, вскрывая батончики и не оставляя от них ни следа... Ээээх... Ладно. Всё равно шоколад фигуру портит. Мне ни к чему... Убеждаю себя, глядя на своего нового знакомого.

Когда сейчас положил на меня свою лапу, я еле на ногах устояла. Офигеть он конечно здоровяк. Меня даже шатнуло из стороны в сторону... Надеюсь, он этого не заметил. А то ещё подумает, что я слабачка. Хотя, наверное, уже...

– Натягивай бинты, как показывал и иди отрабатывай удары по груше, – командует, а я кривлю губы.

– Может с кем-то?

– Рано тебе с кем-то. Стойке научись, а потом отрабатывай джеб и правый прямой. Приду проверю...

– Что такое джеб? – спрашиваю, и он закатывает глаза, вздыхая.

– Ладно, идём. Давно у меня новичков не было... Парни, без меня тут. Митюх, за старшего, – даёт команду одному из парней и ведёт меня в самую даль.

– Понял...

Подходим к груше в конце зала, и он осматривает меня каким-то излишне скептическим не особо приятным взглядом.

– Ты их отвлекаешь, поэтому здесь...

– Как это я их отвлекаю?! – спрашиваю возмущенно, нахмурившись.

– А-то ты сама не знаешь. Давай не горлань, ага? Децибелы убавила, бинты затянула, и чтобы с этого момента повторяла вот это как мантру, – показывает мне приёмы один за другим, а мне кажется, я стою как оловянный солдатик. Потому что нифига не запоминаю – раз, а два – меня пугает с

какой силой от его ударов отлетает несчастная груша. Будто бы она из ваты сделана...

– Покажи...

– Без бинтов?

– Без... Просто покажи, без упора на силу... Саму технику.

Повторяю, как он, и он тут же начинает ржать.

– Прости, но это полный пи...

– Вячеслав Александрович, – рычу я на него, а он вздыхает.

– Ладно, жди... Заматываем... Смотри и учись, – крепко сжимает мои кисти и натягивает бинт так жёстко, что я бы, наверное, и не справилась. У него такие огромные намозоленные руки, блин. Вот как мне повторять за ним? Как? – Поняла, да?

– Угу...

– Теперь вставай... Прямо передо мной...

Господи...

Не успеваю зафиксировать себя в одной позе, как он резко дёргает меня за талию и двигает ближе к себе. Так близко, что волнение нарастает. Чувствую его твёрдую грудную клетку спиной и замолкаю. У меня даже дыхание спёрло и подбородок задрожал.

Про то, что чувствую своей задницей и рассуждать не берусь... Помогите.

– Колени согнула... Немного, – давит он, помогая сделать

это. – Вот так. Носок передней и пятка задней... Ага... – хватает меня за руки, и у меня всё плывёт перед глазами. Как думать в таком неловком положении???? – Кулаками закрывай лицо. Локти должны быть прижаты к корпусу... Вот так... Чувствуешь?

– М... – мычу, делая глубокий вдох. – Угу...

Если бы он только знал, как сильно я чувствую...

– Теперь почувствуй тело и перенеси его вес вперед... На переднюю ногу, правую пятку сразу же отрывай... Переднюю руку выкидывай вперед, – двигает мной как куклой. Боже. Реально. Как своей личной тряпичной куклой. – И вращай... Вращай кулак. А вот эту руку никогда не опускай. Прикрывайся. Поняла?

– Вроде...

– Это и есть джеб... Им ты проверяешь дистанцию, чтобы ударить противника прямым, – дёргает он за руку и возвращает меня в исходную позицию. – Опять базовая стойка. Прямой идёт без замаха... Следом за джебом. Вот так. И получается... – отходит он в сторону, отпуская меня, пока я так и остаюсь натянутой струной, а он демонстрирует это всё на груше сам. Снова, только чуть медленнее. – Джеб, прямой. Джеб, прямой... Поняла?

– Угу... Буду пробовать...

– Ну, пробуй-пробуй, Аня, – говорит он мне, словно язвительно, и разворачивается, чтобы уйти.

– Слава! – окрикиваю взволнованно.

– Ну что опять? – поворачивается обратно.

– А как долго ты тренируешь?

– Долго... – отвечает нехотя, стиснув зубы. И мне кажется, будто злится, что спросил? – Почти четыре года. Приступай.

– Хорошо...

Он уходит, а я... Начинаю позориться... Нет, я так не считаю. Всё бывает в первый раз. И если я хочу научиться, не нужно стесняться. Но...

Я вообще не уверена, что когда-то смогу нормально крепко стоять на ногах и давать отпор. А такому огромному противнику как он и подавно. Это же не фильм, где девочка неожиданно стала ниндзя и начала колошматить всех своих врагов направо и налево, словно карате-пацан...

Нет... Это жизнь, и тут я понятия не имею, сколько мне придётся тренироваться, чтобы хотя бы сумку свою отбить в случае нападения какого-нибудь вора или насильника...

В итоге с каждым новым сделанным ударом я чувствую, как мои кулаки болят даже под бинтами, но, думаю, так и должно быть... И когда Слава снова приходит он смотрит на меня, прислонившись к стене, а я просто обнимаю грушу, повиснув на ней и тяжело дыша. Уже выдохлась, блин. А у него вид такой, словно он и не начинал рабочий день. Просто сияет от счастья. Никакой усталости... Мышцы, словно натянутые канаты.

– Я безнадежна?

– Кто сказал? Нет. Уже лучше...

– Серьёзно?

– Ты в себе сомневаешься?

– Нет, я просто... Мне кажется, я бью не так как ты...

– Не так как я? О, да, девочка, ты бьёшь совсем не так...

И никогда так бить не будешь, учти, – насмехается он, а я прикрываю глаза и чувствую, что голова начинает кружиться. Едва пошатнувшись начинаю падать, но он не даёт мне этого сделать.

– Чё такое, Ань? Голова кружится? – спрашивает, удерживая. Будто переживает, да? Уже хорошо... Значит, какая-то душа там всё же имеется...

– Пить хочу...

– Пацаны... Воду принесите, – кричит и помогает мне сесть. Кладёт пальцы на шею и чуть надавливает.

– Что ты...

– Тшшш... Молчи...

– Сто шестьдесят семь... Куда так разгоняешься, Анюта? На ринг уже собралась? – отшучивается, и я уже хочу попить, как он перенимает бутылку у парня и первым делам плескает мне воду в лицо, вызвав шок. – Теперь пей.

Ещё до того, как начать возмущаться, вцепляюсь в бутылку и начинаю жадно пить, словно в пустыне сутки провела, блин... А потом отрываюсь от горлышка и смотрю на него волком.

– Какой же ты гад... – запыхавшись, выдаю, а он смотрит на того самого парня, что принёс мне воду.

– Какое у нас правило, Митюх?

– Бережём маму и не оскорбляем тренера... – повторяет он, а я пыхчу и фыркаю в ответ.

– Тоже мне правило...

– Так... Ты обещала. Взаимоуважение... За непослушание будешь сегодня мыть полы в зале!

– Что?! – выпаливаю я возмущенно. – А ты не охренел?!

– А теперь ещё и в коморке!

– Знаешь что?!

– Или хочешь на выход навсегда, Аня? – спрашивает следом и смотрит на меня с наглостью своих карих глаз. Блин, я в их жестокости тону и сразу замолкаю. – Я так и думал... Значит – полы...

– Говнюк, – бурчу себе под нос, когда они оба уходят от меня в сторону ринга.

– Что ты сказала? – оборачивается он, переспросив.

– Ничего, Вячеслав Александрович. Говорю, я очень Вас уважаю и даже боготворю! – дроблю, стиснув челюсть, пока Митюха ржёт рядом с ним.

– Избалованная малолетняя халда, – добавляет этот провинциал, прежде чем уйти, а мне так обидно становится. Я вообще не избалованная! И вообще, блин, не халда! Да и то, что я молодая вряд ли можно считать моим минусом! Это всего лишь возраст... Ему тоже когда-то было восемнадцать...

Сижу и разматываю бинты, а потом смотрю на свои кулаки

в них. Целые... Блин... Реально грамотно мне их затянул...

Теперь ещё и полы тут мыть. Просто прекрасно. Кроме того, они тут наделали своими резиновыми кроссовками полос. Я в жизни полы не мыла. Даже пока в школе училась, платила одной девочке, чтобы та за меня дежурила и проти-
рала пыль. Кажется, настал час расплаты...

Боже... Я свихнусь тут раньше, чем научусь драться...

Когда время подходит к шести все начинают расходиться, а мы с ним остаёмся вдвоём... Воняет здесь после трени-
ровок, конечно, знатно... Мальчишки, кажется, вообще не зна-
ют, что такое гигиена...

– Фу... – машу рукой перед носом, а Слава ходит и откры-
вает повсюду окна.

– Тряпку в руки и вперёд. Быстрее выветрится... Там бе-
лизна есть. Чуток капни...

– Белизну?!

– Да.

– А как же моя кожа?!

– Блин, Аня... Ну там перчатки есть... Что ты как ребё-
нок, ей Богу...

Хочется сказать, что я и так ребёнок, но я же считаю себя
взрослой... Наверное, я всё-так взрослая, я же пью алкоголь
и хожу по барам, поэтому ворчу позади него.

– А ты злобный старикашка...

– Чего?!

– Да! Прямо как мой отец...

– Спасибо тебе огромное. Кто бы он ни был...

– Нет, он – хороший человек... Просто ты ворчишь так же...

– Да потому что ты вредничаешь... Халтуришь. Изворачиваешься... То, что ты красивая не даёт этого права. Тем более, в этом месте...

Ну вот, началось... Стоп...

Он считает меня красивой? О, Божечки... Аня, прекрати! Тебе должно быть всё равно, блин!

Молчу и смотрю на него. А он даже внимания не обращает на то, что сказал. Будто всем так говорит. А вдруг реально всем? Тогда обидно, блин...

– Ну ты идёшь или как? Я окна тут раскрыл, ты бы пока ведро подготовила. Потому что продует иначе... Иди давай, – гонит меня из зала, а сам идёт сзади... И я буквально как дура чисто инстинктивно виляю перед ним задницей. Хотя уверена в этих асексуальных штанах нихрена не заметно... Но мало ли? А зачем мне это? Понятия не имею... Наверное, он мне симпатичен... Или я хочу, чтобы смягчился. Всё-таки немного приятно, когда к тебе относятся как к девочке. А он этого не делает и в каждом конфликте выворачивает всё, будто это наоборот мой минус, блин... Я уже начинаю жалеть, что родилась не парнем...

– Анютка, куда лыжи наострила? Вот сюда надо, забыла, что ли? – ржёт надо мной, пока я туплю.

– Блин...

Сама не поняла куда иду... Просто шла и виляла жопой. Значит, всё-таки не заметил... Ээээх.

– Если нужно тряпку будет отжать – зови. Но средства и т.д. вот здесь, – указывает мне рукой на тумбочку под раковиной.

– Окей, – пишу и смотрю на него, не моргая. Он тоже смотрит в ответ. Словно картинку на экране видит... Интересно, что он вообще обо мне думает... Где-то я ловлю, что взгляд у него слишком мужской и напряженный. Где-то признаки заинтересованности, а где-то и вовсе проскальзывает что-то более глубокое... Но, может, это всё глупости. Кольца на пальце у него нет. А ведь интересно... Они снимают их перед тренировками? Да нет. Была бы у него женщина, думаю, он бы тут не торчал и не жил, так ведь?

– Ты чего так на меня смотришь? – спрашивает хрипло и натянуто. Словно в горле першит. И сам весь как скала... Напрягся нереально просто. Аж желваки натянулись.

– Ничего, – опускаю взгляд и сглатываю. Мне кажется, тут даже лампочка начала мерцать от этой удушающей и взрывной атмосферы...

– Пойду пока ужин сделаю, – бросает он напоследок и быстрее пули сваливает, а я... Тянусь за тряпкой и ведром...

Глава 5.

Вячеслав Соколов

Не знаю, то ли глюки у меня, то ли она реально странно смотрит иногда... Мне это как бы всё нафиг не надо. Надеюсь, показалось.

У меня есть здесь одна девчонка, с которой я порой «встречаюсь» время от времени. Ну, как девчонка – девушка моих лет. Моя одноклассница. Это тупо чтобы сбросить напряжение, а большего мне и не надо. Я с тех пор, как одыбал. Женщины – зло. Такие, как она – подавно. Ещё и малолетка...

Я помню всё, что хапнул тогда... Четыре года назад. И ведь тоже думал, что взаимно. Что навсегда. Верил, планировал, из кожи вон лез.

Иронией судьбы служит то, что моя вера в светлые чувства пошатнулась из-за Веры. Но я сейчас и думать об этом не желаю. А ещё и переваривать, вспоминать. Нахер надо.

Так что, что бы там ни было в этой маленькой каштановой головке, надеюсь, ограничится обучением и свалит в закат. Иначе тупо выгоню. От греха подальше.

Давно планирую переехать. Квартиру, которая висит балластом, как тяжкий груз, продать наконец, и свалить отсюда подальше. Но вот как их бросишь? Постоянное ощущение долга не покидает. Я словно взял ответственность. Как

за детей берут, когда рожают... Правда, я этих не рожал, а значит, имею полное право газовать. Только вот... Не выходит у меня.

Слышу, как скрипит пол в зале, как она матерится своим писклявым голосом, таскает ведро туда-сюда, роняет швабру на пол с громкими звуками. Ржу себе под нос, потому что не могу просто. Угораю с этой вредной девчонки.

Одно мне в ней нравится. Говорит то, что думает. А это черта хоть и не дипломатичная, зато искренняя. Как бы там ни было...

Тем временем я на своей крохотной кухне готовлю нам поесть. Ловлю себя на мысли, что не добавляю в своё привычное меню мазик тупо из-за неё. И это меня бесит. Уже какие-то отклонения от нормы. Она хоть и не просила, но я по фигуре вижу, что не хакает она подобное. Видно, что в зале занималась раньше. Худела там, задницу качала... Всё остальное хромает, но и не важно по сути. Уработать противника можно и дрищом. Лишь бы удар был поставлен, и сила воли имелась. Остальное приложится.

А у этой силы воли хоть отбавляй. Мне кажется, она из тех, кто в горящую избу войдёт. Ну, это если так – приторно рассуждать. На деле просто ведёт себя жутко импульсивно. И совершенно не контролирует своё взбалмошное поведение. За что прямо сейчас там и огребают по-полной...

Иду помыть руки с доской и ножом в руках, и вдруг натываюсь на неё, сливающую воду из ведра в раковину. У меня

мгновенно все шестерёнки внутри заедают. И меня нещадно коротит. Говорил же, рукожопая...

Ума вообще нема...

– Куда, бл... Унитаз для этого! Гонишь или чё?!

– Фу, – выдаёт она, поморщившись. – Я не хочу в унитаз!

Раковина хотя бы не зассанная!

– Ох, извините, барыня-сударыня... Но ты не видишь, нахрен, что раковина засоряется из-за этого?! Твою мать, – бросаю всё, глядя на то, как вода льётся со всех сторон, и мы с ней оба бросаемся устранять этот кошмар. Потому что она уже вылила всё туда и сток забит. А новая вода льётся на пол и на нас тоже, угаживая всё вокруг. Перекрыв кран, вытаскиваю всякую парашу из стока, пока она морщится рядом.

А потом, чтобы меня, нахер, поразило молнией...

Я замечаю её грудь, которая стоит колом от промокшей одежды. И просто как заколдованный смотрю туда, ощущая паралич во всём теле. Вот еблан, а... Конченный.

Отвернись, Слава... Что ты творишь, мать твою, придурок?!

Член в штанах тут же дёргается и становится кувалдой. Ощущение, что вся кровь из организма, ровно как и способность шевелиться, направились туда. Сильнее дурости от себя ещё не выхватывал. Это реально перебор, чувак. Успокойся... Дыши...

– Всё в порядке? – спрашивает тонкий голос, выдирая меня из этих мыслей, и я тут же чертыхаюсь себе под нос.

– В порядке. Только руки бы тебе оторвать...

Вода стекает, а она смотрит на меня, растянув свои пухлые губы в недовольной усмешке. А потом мы оба встаём с мокрого пола, отряхиваясь. Оба вымокли насквозь и грязные.

– Вытирай здесь всё теперь...

– Может, поможешь? – спрашивает она нахмурено. И у самой взгляд такой, блин, выразительный. Ну, невозможно же отказать.

– Ладно, помогу, блин... – закатываю глаза, увидев, как она улыбается. И сразу же ещё сильнее напрягаюсь, будто мной воспользовались, как тряпкой. – Это чё сейчас было? – ершусь буквально сразу же. Аж по пояснице озноб проходит.

– Что?!

– Ты улыбнулась, что ли? Используешь меня?

– Что?! Нееееет, – тут же отнекивается, а я вот прям чувствую, как на мне юзают свои бабские манипуляции. У меня на такое ужаснейший триггер. И я сразу же злюсь из-за этого... А как иначе? Я ни за что на свете, нахер, не допущу повторения истории.

– Смотри у меня. Где тряпка?

– Вот... Блиииин, – вытаскивает её из ведра. – Фу, какая она грязная, а...

– Потому что воду менять надо чаще, Аня! – порицаю её, хотя кажется без толку. У неё на лице написано, что она и

не собирается учиться.

– М-м-м... Понятно, – вздыхает она.

– Только не говори, что ты там вот такой ею и возюкала в зале...

Она молчит, а я кошусь на неё недобрыми глазами. Вот что мне делать с этим горем луковым, а? Ну, она же просто издевается, блин. Как так, я понять не могу? Ну не десять же лет! Хотя у меня пацаны лучше моют полы, чем она... Это финита просто.

– Ань...

– М?

– Ты вообще воду не меняла...

– Не-а...

– Твою мать... Иди, кароче, за мной... Буду учить полы мыть...

Веду бедовую за собой, а она тащится следом и смеётся.

Вот ведь у золотой молодёжи жизнь, а... Я впервые, если честно, сталкиваюсь. Ни посуду не моют, ни полы... Вообще ни хрена не умеют в этой жизни, кроме как выёбываться.

– Слава, ну, прости, правда...

– Да чё прости-то?! Там еда наша стынет... У меня микроволновой печи нет как бы...

– Тогда давай сначала покушаем! – жужжит мне на ухо, но я отрицательно качаю головой в ответ.

– Нет. Слышала поговорку? Сделал дело – гуляй смело? А?

Слышу, как девица возмущенно взывает и наблюдает за мной со стороны, пока я беру чистейшую тряпку и начинаю вымывать ею извозюканные полы... Это ж надо было так угадать, а. Жесть какая. Ну неужели пока делала это, не видела, чё творит?!

– Позорище ты, Анька... Учись давай нормально... Замуж же ещё выходить!

– Фу! Не пойду я замуж! – выдаёт гневно, заставив меня рассмеяться. Да ещё и ручки на груди скрещивает, словно самая умная, блин.

– Да? Чего так?

– Все мужики – тряпки...

– Прекрасно... Иди давай. Швабру в руки и вперёд! – выдаю я, протягивая ту самую тряпку ей.

– Слав... Ну ты что?! Я же не про тебя, – хитрит лиса, соорудив милую мордашку. Глаза у неё на пол лица. И выглядит она реально как нарисованная.

– Я больше не куплюсь. И для тебя я – Вячеслав Александрович. Напоминаю...

– Ну ты и душнила, Вячеслав Александрович, – тут же начинает ворчать и перенимает её. – Я так устала, правда... – ноет с характерным ей скулежом.

– Ещё бы... Так пол угадать. Нужно постараться, – ржу над ней, а она фыркает. Вот реально как лисица. Ладно хоть мыть потом нормально начинает. Что-то вроде как усвоила. Только жопой своей опять крутит, блин. Аж бесит.

– Грязь собрала, прополоскала тряпку и снова... Как видишь, что вода грязная – иди меняй...

– А давай ты будешь менять воду, а я мыть... – предлагает быстренько и хлопает глазками.

– Что-то мне это напоминает...

– Что?

– Слушай, Гена, давай я понесу чемоданы, а ты – меня, да?

– Какой ещё Гена?! – приподнимает она бровь возмущенно, а я вздыхаю. Ох уж эта разница поколений. Между нами с ней примерно десять лет пропасти... Хоспади, Боже... Где мои восемнадцать. Надеюсь ей есть восемнадцать, да? Человек не знает «Чебурашку».

– Крокодил, блин!

– А-а-а... Я старый мультик не помню... А на новый так и не сходила...

– Ага, оно и видно... Ладно, давай сюда ведро своё... – беру в руки и тащусь менять, пока она там продолжает вилить своей задницей... Отрастила, нафиг, бампер.

Ухожу и мысленно ругаю себя за то, что опять посмотрел. Не знаю, что такое. Может, у меня просто недотрах? Может стоит позвонить Черешкиной и снова по-быстрому поебаться где-нибудь в тачке. Потому что в таком состоянии учить её – туши свет. Я же реально засматриваюсь. А так быть не должно...

Нахрен...

Захожу в уборную и вижу всё, что мы с ней тут устроили.

Караул... Надо помочь, иначе она до утра не управится. Ну и, собственно, что я делаю? Вопреки своим установкам, помогаю ей приводить в порядок здание...

Приношу воду, а сам иду мыть полы там, где мой член по иронии судьбы чуть не ударил меня по лбу и не оставил там здоровенную шишку. Красота...

Глава 6.

Вячеслав Соколов

Встречаемся мы уделанные через два часа после уборки... Вообще в ноль. Грязные, потные... Никакие. Нет ничего хуже, чем переделывать что-то за кем-то. Самая главная истина... И я зол на неё, если честно. Хотя и не хочется быть бесчувственным чурбаном, но она любого доведёт до кондрашки своим поведением. Тяжело ей будет потом... Когда замуж захочет. Хрен знает, кто её возьмёт такую... Хотя...

У неё вот волосы торчат в разные стороны и на лице тёмная полоска от пыли, будто вытиралась в процессе и испачкалась, домовёнок Кузя, блин. Но даже так, конечно, симпатичная. Не скроешь. На неё хоть холщёвый мешок надень, всё равно не испортить, блин. Какая-то безупречная слишком идеальная красота. Молодость, шик и грация в каждом движении...

Только это ничего не меняет – полы она один хрен мыть не умеет...

– Хорошо, что я себе мыло купила... От тебя же не дождёшься, – ворчит нагло и проходит мимо, вздёрнув кверху свой маленький аккуратный нос. Вот впервые вижу девчонку, которая толком и познакомиться не успела, а уже права качает. Это просто дар какой-то. По приручению мужского пола. Но если думает, что я поведусь – хрен ей на лопате.

– Что за камень в огород? Ты же сама ушла. Я собирался тебе его взять, но ты решила иначе...

– Ага... Ты меня выгнал! – рычит на меня обиженно. Будто я ей – папа. Реально жесть какая-то. С хера ли я вообще обязан? И всё равно оправдываюсь...

– Потому что ты наехала на нас. Вот и всё. Иди давай, – толкаю её в сторону другой душевой.

– Я в этой хочу!

– А эта уже занята. Мной! Вали! – рывком закрываю дверь, слыша, как она снова там бурчит и посылает меня на три буквы. В итоге идёт за своим мылом и моется в соседней кабинке... То есть, грубо говоря, мы с ней реально за стеной друг от друга... Хлипкой тонкой стеной... Сука. Нельзя мне думать в этом направлении.

А уже поздно. Член стоит так, что хоть гвозди им забивай...

Какого хрена, а... Что за реакция-то такая сумасшедшая. Мне же не шестнадцать уже, в конце концов.

Воображение, остановись. Куда ты пляшешь? Да, она симпатичная. Да, у неё красивая фигура... Но...

Слышу, как начинает петь за створкой, чем ещё сильнее меня распаляет. Хочется заткнуть ей рот чем-нибудь тяжёлым и увесистым. Будто назло провоцирует. Знает, что нужно делать, зараза...

– Слааав? – слышу там вопрос и просто охреневаю от её назойливости и наглости. Ни на секунду не замолкает. Сна-

чала ведь молчала, блин. А теперь вообще не перестаёт трепаться, будто где-то заводной механизм... Только я не буду искать где. Потому что чревато, нахрен...

– Что? Спинку потерять, не дотягиваешься?

– Извращенец...

– Ага...

Вот сучка...

– Думаешь, у меня получится? Ну... Драться... – спрашивает мечтательно. Господи, Боже... О чём думает эта неугомонная девчонка. Сутки кое-как выстояла на ногах, и то чуть в обморок не завалилась, а уже мечтает об успехе.

– Понятия не имею. Первый день прошёл... Мойся давай и пошли есть уже. У меня в животе урчит...

– Мыло такое классное купила, – хвастается она за створкой, заставив меня закатить глаза от её пламенных речей.

– Чё поделиться хочешь?

– Почему бы и нет, мне не жалко. Дать тебе?

– Нет, спасибо. Для меня и это нормальное. Не хочу пахнуть как мармеладка, – выдаю, услышав её залиvistый смех. Сам как придурок улыбаюсь. Ощущение, что реально рядом с ней моемся. А член так и стоит, потому что, по-моему, это уже перманентное его состояние на сегодняшний вечер. С тех самых пор как лицезрел её грудь под мокрой одеждой... Там прям конкретно припекло. У неё примерно двойка. Но она, сука... Такая... Что хочется трогать. А это пугает больше всего.

– А я пахну, как мармеладка, да? М, Слава? – спрашивает, вызвав у меня ступор. Пиздец... Вот специально же под кожу лезет. И без того уже гоню со своими мыслями. А ещё этот якобы невинный флирт. Я же не совсем дурак, понимаю, чё происходит.

– Не знаю, не нюхал, – отрезаю, сцепив зубы, а она продолжает смеяться. Потом я просто пытаюсь успокоиться... Дышу и включаю воду попрохладнее... Чтобы эта адская каменная плоть уже уgomонилась. Потому что я её сегодня никуда не планировал присовывать, а уж дрович за стенкой от девчонки совсем крипово. Я, хоть и тот ещё австралопитек, но до такого точно не докачусь.

Выхожу из душа, обернув полотенце на бёдрах, пока она ещё моется. И слава Богу, я не хочу, чтобы снова пялилась своими наглючими глазами. Ведь и так провоцирует. Постоянно смотрит. То подавится, блин, то просто слюни роняет. Я понять не могу, она чё в зале мужиков не видела раньше? Мы же все одинаковые, блин. Там, где спорт, там и фактура. Тут и умным быть не надо.

Уже собираюсь выйти из тамбура, как вдруг слышу:

– Блииин... Полотенце забыла...

Только хочу убежать оттуда, якобы и не понял, чего ей нужно, как она продолжает:

– Слааав?!

Ёб вашу мать. Если раньше меня просто выносило от такого произношения моего имени, то теперь начинает коло-

тить. Из стороны в сторону. Она расшатывает мою душевную конструкцию, блин! А я её между прочим с трудом, сука, собрал!

– Ну что?!

– Принеси мне полотенце, а... Я забыла...

Хочется спросить, а голову ты не забыла, нахер?! Уже бесит меня.

Иду к вешалке и снимаю оттуда махровую ткань, которую она присвоила в прошлый раз. И как придурок нюхаю.

Точно, блин... Чёртова мармеладка. Даже без того нового мыла.

– На! – протягиваю, отвернувшись, когда она открывает дверцу и хватает его, потянув на себя, после чего сразу же закрывается, будто боится, что я её нагую увижу. Больно нужна...

Я вот сплю и вижу, как бы её раздеть или в душе обесчестить, блин. Делать мне нехер.

– Спасибо! – кричит вслед, но я уже ухожу оттуда. Ну нафиг её.

Пока жду в комнате, даже есть не начинаю. Словно пёс жду её, а сам... Пишу Таньке Черешкиной сообщение. И так, и эдак, блин. Привык, что она первая строчит. Просить вообще не в моём стиле, но тут прям в голову даёт конкретно. И не ту, что сверху... Аж пульсирует, сука.

«Встретиться не хочешь?», – отправляю и сижу в ожидании ответа. Аж колено от напряжения ходуном ходит. Хз чё

она за несколько дней со мной сделала. Я весь как током на-
питанный. От и до...

И когда телефон издаёт вибрацию, я тут же вздрагиваю,
покрытый россыпью тупых колючих мурах.

«Хочу. Сегодня?».

Слава яйцам...

«Можно... После одиннадцати. Я бы заехал».

«Хорошо, буду ждать», – присылает со смайликом сердеч-
ка, и едва вижу, как Анютка заходит в коморку, сразу же пря-
чу телефон под подушку, как школьник, блин. У меня, по-
ходу, новая волна пубертата началась. Давно похороненная
в закромах моей убогой одичалой жизни.

Я сам не верю в то, что происходит. Сумасбродство ка-
кое-то. Иначе не назовёшь.

– Ты чего? – спрашивает она настороженно, зависнув с
полотенцем в руках и заметив то, как я суечусь.

– Ничего. Есть садись. Я на плите погрел, как мог... – при-
саживаюсь за стол, а она сначала протирает свои влажные
каштановые волосы и только потом занимает место напротив
меня, сразу же врезаясь в меня острым пронзительным как
лезвие ножа взглядом.

Ненакрашенная ведь даже... Но глаза у неё, конечно, на-
изнанку могут вывернуть, если захочет. Загорелая видная
девка... Надеюсь не найдёт себе новых проблем на голову,
пока меня не будет. Ну или на жопу. Тут как посмотреть.
Мне кажется, она везде успевает.

– Что? Ешь давай... – указываю на сковороду, и она берёт вилку, начав клевать.

– А почему ты тут всегда один? – спрашивает меня, и я приподнимаю брови. Нашла, блядь, куда бить. Хрен я сломаюсь и впускаю тебя в личное. Никогда, нахрен.

А то уже огнемёт свой достала.

– Ты сюда вроде учиться пришла? Или мою личную жизнь обсуждать?

– Я и так учусь! – выдаёт она важно. – Мне просто интересно, почему ты один...

– Я не один, – уже рычу на неё, а она закатывает свои глаза.

– Ну, понятно... Со мной сейчас. А обычно...

– Я же говорю тебе, я не один. Ешь, а то опять подавишься, – отмахиваюсь от вопросов, потому что мне не нравится к чему ведёт. Мы не друзья. И не можем априори ими стать.

Она вздыхает, и смотрит в сковороду удрученным взглядом. Задел мой ответ, что ли? Или чего такое?

Доедаем мы почти молча... Она благодарит, на удивление, но будто ждёт от меня чего-то... Такой взгляд говорит о том, что она нашла во мне жилетку. Сто процентов... А я не просто скупой на чувства, мне нужно говорить прямо, как правило. Потому что я порой не догоняю женского поведения. Они же манипуляторши. Их «нет» порой значит «да», а «да» значит «нет». Тут у любого крыша поедет.

– Что такое, Аня? Говори...

– Мне очень скучно тут... Я скучаю по родным и подру-

гам, — ноет, словно я в шуты заделывался. Мне чё теперь танцевать для неё, чтобы весело было? Пусть едет, нахрен, обратно в свою столицу и у одноклассников просит, чтобы её веселили. Я тут при чём? Почему она мне это вообще говорит? Я думал, она здесь из-за тех гонимых задержалась, но в такие моменты чувство, словно намеренно сюда ко мне бежала. Через лес и железнодорожный переезд.

Судьба, блин, не иначе. Гравитационное, мать его, притяжение. Закон Ньютона в действии.

— Так уезжай. В чём проблема? — спрашиваю её удивленно, а она хмурится в ответ.

— Я... Не готова просто так уехать, — отвечает, словно её по голове, блин, шандарахнули. Странная она, конечно. Я бы уже давно свалил обратно и заявление в полицию подал, загасившись поглубже. Будь я девчонкой, конечно. А так чувство, словно она и не знает, что ей делать дальше.

— Ну... А я ничем помочь не могу, — отвечаю, встав из-за стола и накидывая на себя кофту, что висела на стуле.

— Эй... Ты куда? — спрашивает она напряженно, дёргаясь за мной следом. Сразу же подлетела как торпеда. Неужели думала, что я реально здесь с ней постоянно торчать буду? У меня что на лбу написано, что я её верный слуга после спасения? Каждый дроздит, как хочет, как бы. И я не собираюсь с ней киснуть. И оправдываться тоже. Не говорит же в лицо, что ебаться поехал. Ещё сломаю её наивные представления о жизни. Потом говна не оберёшься.

– По делам поехал... А что?

– Ничего... Просто я думала останешься и поговорим...
– с грустью бормочет, а мне вот только разговоров с ней не хватало. И так уже засела в памяти ярким отчётливым бельмом. Она, её бампер и сиськи.

– Не, извини... Мне надо, – прихватив с собой телефон, иду к выходу, не обращая внимания на то, что она смотрит на меня как оленёнок Бэмби... Я просто тоже не железный, а с ней связываться нет никакого желания...

Уверен, что с такими как она, одни только проблемы.

Глава 7.

Аня Михайлова

Взял и ушёл... А я теперь одна без телефона в этом забытом Богом месте. У него тут есть небольшой телевизор, конечно... И я включаю его, но там идёт всякая фигня, которую я даже от скуки не в состоянии осилить.

Хожу по его коморке и копаюсь, рассматривая его вещи.

Нахожу презервативы. Хм... Значит, у него всё-таки кто-то есть. Ладно хоть предохраняется. И размер... Господи... Не зря я ощущала это всё своей задницей.

Кладу на место и снова роюсь на его полках.

О, Боже! А вдруг он как раз к девушке и поехал... У него есть девушка?!

Блин, это мне что-то совсем не нравится... А вдруг они вообще уже пожениться хотят или типа того. Вдруг он ей про меня даже не говорил и мне потом прилетит за то, что я здесь у него занимаюсь? Я слышала про то, как девушки в подобных поселениях могут навалить, мало не покажется...

Ловлю себя на мысли, что ничего ещё не случилось, а я уже сто раз себя накрутила, блин. Час от часу не легче... Но мне отчего-то очень неприятно, что он уехал и ничего мне не сказал. Я видела там машину на заднем дворе. Видимо, это была его тачка...

Обычный полуразваленный филдер. Но мне как бы всё

равно на чём он ездит. Просто констатация факта.

На полках валяются какие-то задрипанные книги о технике боя, а ещё по бизнесу и управлению, как ни странно.

Примерно через час мне становится настолько скучно, что я беру в руки ту фигню о боксе и начинаю читать... Посуду не убрала, потому что было лень. А вскоре и вовсе глаза смыкаются.

Я борюсь всеми силами, но очень скоро проваливаюсь в сон...

Чувствую, что кто-то трогает моё лицо. Так эфемерно, что касания еле ощутимы, словно крылья бабочки, а потом мне становится тепло. Свет гаснет, и я окончательно проваливаюсь в сладкий сон...

В котором снова являюсь королевой... Где мне покупают всё, что хочу, где я на своей любимой машинке катаюсь по берегу какого-то озера и балдею, глядя на закат... Потом ем роллы, валяясь на шезлонге и попивая любимые коктейли с апельсинами... Только вкуса не чувствую. И это уже подозрительно...

А потом вдруг и вовсе начинает орать будильник. Громко и тошнотворно... Оборачиваюсь и вижу машину, которая свернулась на кресле калачом и дрыхнет в полусидячем положении, потому что я заняла его койку... А ещё он, очевидно, накрыл меня одеялком...

– Эй, Слава... – зову его шёпотом. – Слаааав...

– М?

– Будильник... Пора вставать...

Понимаю, что фиг его добужусь, а завтрак-то нужно сделать... Тем более, что он меня всегда кормит. Но смотрю на посуду и мне становится стрёмно...

– Бл...ин... – ругаюсь, икая, беру всё это добро и тащу мыть в уборную.

Что там у него есть? Яйца... Ну, яйца с колбасой уж я в состоянии сделать, правда? Да я понятия не имею, как их пожарить нормально, блин. Я в принципе для этого не создана... Но на что только не пойдёшь, чтобы порадовать чужого тебе мужчину, правда?

Чушь какая-то, но я всё равно отчаянно стараюсь ему понравиться.

Он и так вчера достаточно меня застрашал с этими дебильными полами. До сих пор щёки горят от стыда...

В итоге с горем пополам отмыв сковороду от его вчерашнего жаркого, я ставлю её на плиту и капаю чуть-чуть своего оливкового масла, потому что не могу я есть на подсолнечном.

Думаю о том, чтобы выкрасть телефон у него и посмотреть рецепт банальной яичницы, ведь сейчас он лежит на столике, потому что у него орал будильник на всю комнату.

А когда беру вдруг гаджет, подвисаю, потому что вижу сообщение на экране.

«Было сладко. Обнимаю, споко...».

Тут же отшвыриваю телефон в сторону и ощущаю резкий

болезненный укол внутри. А понять не могу... Что это вообще такое. Ревность... Это ревность? Я ревную его?!

Да он же мне вообще никто, блин!

Пошёл он на фиг! Здоровенная грудa мышц без души!

Да у меня такие были! Такие! Что он и в подмётки им не годиться! Да за меня яхты предлагали! Яхты и торговые центры в столице! Да я... Я...

Убираю сковороду и беру графин с водой, начав лить ему на башку прохладную жидкость. И только так чувствую удовлетворение внутри. Сволочь эдакая... Где шлялся всю ночь, а...

– Твою мать!? Что такое?! – подрывается он, открывая один глаз и вцепившись в подлокотник своей здоровенной ручищей.

– Вставай, будильник звенел! – рявкаю ледяным тоном, беру полотенце и иду умываться. Ещё бы я ему завтрак не готовила, пока он ездит ночами и трахает какую-то бабу. Фу! Ненавижу его! Убила бы...

Пока чищу зубы, в зеркало вижу, как проходит мимо и становится у соседней раковины. Игнорирую и даже не смотрю в его сторону.

– Анютка, всё нормально? Не выпалась что ли? Волком смотришь...

Ещё и «Анюткой» называет, гад, а... Как совести только хватает. Вчера ещё смотрел так. Ну смотрел же, да? А потом... Ууууух, как же мне хочется ему высказать!

– Я – Аня, – резко дроблю с равнодушным видом. А внутри при этом прям-таки жжёт. Вот ведь докатилась... Приплыли.

– Я не стал тебя будить, когда пришёл... Ты сладко спала...

– Не так сладко, как ты, – сплёвываю, вытираю рот и ухожу оттуда, вспоминая сообщения какой-то девушки, о которой я ровным счётом ничего не знаю. Может он прав, и я просто избалованная малолетняя халда, а?

Чего я вообще от него хочу?! Он мне не обязан...

Только отчего-то я ощущаю, что он уже мой. И не хочу я ни с кем его делить, блин...

Переодеваюсь и думаю сходить купить себе кроссовки, потому что постоянно заниматься в носках неудобно. Да и самого Славу побесить дико хочется.

Надеваю на себе жёванное платье и вздыхаю, а он тем временем оказывается позади меня и приподнимает бровь в изумлении.

– А по какому поводу марафет?

– Это не марафет, ясно?! Иду в магазин, – психую и направляюсь к двери в тапках, а он ржёт.

– Ты гонишь или чё? В таком виде... Не советую тебе, надень футболку со штанами. Там их куча.

– А что такое? Ты ревнуешь? – тут же выпаливаю, развернувшись к нему и скрестив на груди руки. Да, платье не самое целомудренное. Оно очень открытое. Грудь видна. Ну и

что? Красиво же, точно знаю!

А он только возмущенно ржёт надо мной.

– Хах... Очень смешно. Да вали ты куда шла!

– Вот и пойду! – ворчу в ответ.

– Но когда тебя там в очередной раз попробуют выдрать, на меня не надейся. Меня рядом не будет! – выдаёт он и уходит обратно в сторону своей коморки, а я взываю и иду к выходу, хлопнув за собой дверь. Бесит! Время на часах почти восемь...

Во сколько у них тут магазины открываются?

Глава 8.

Аня Михайлова

Очень скоро, сделав пару шагов в сторону заднего двора я понимаю, что выгляжу всё-таки неподобающе. Потому что люди, которые идут на работу смотрят на меня как на ш...

Ещё хуже, чем в прошлый раз, когда я продавала цепочку...

И я возвращаюсь обратно. Со стыдом, конечно, ибо не хотела мозолить ему глаза. Но мимо пройти не удастся.

Когда захожу в его комнату за одеждой, он ржёт и уже готовит завтрак.

– Кашу будешь?

– Ничего не буду! – дёргаюсь снова и иду на выход, схватив футболку со штанами. Такой довольный, блин. Видимо, натрахался вчера. А меня прям-таки выводит из себя.

Переодеваюсь в уборной и всё-таки ухожу прогуляться по посёлку до магазина. Погода стоит ещё тёплая. Вроде как меня тут не знают, поэтому смотрят так, будто пытаются знакомую во мне разглядеть...

Денег у меня не так много, конечно, но что-то я планирую себе купить.

Когда оказываюсь на пороге небольшого столь же обшарпанного здания с яркой вывеской «Елизавета», вижу, что магазин откроется только в девять. Шикарно, блин... Придётся

ся ждать... Надеюсь там внутри так же по-королевски, как кричит их наименование...

Сiju, кукую, никого не трогаю и неожиданно ко мне подходят каких-то два парня. На вид максимально стрёмные. Ещё и синюшные партаки какие-то нездоровые на теле. Фу...

– Что? – смотрю на них искоса с подозрением.

– Кто такая, откуда будешь?

– А вы у всех так спрашиваете?

– Не у всех. Кого не знаем...

– М... Я тут проездом. Ненадолго, – отвечаю и продолжаю ждать, а они начинают виться вокруг меня как коршуны над добычей. Шушукуются, поглядывают на меня недобрыми взглядами. Ой, как мне становится неприятно. Предупреждал же меня Слава... Вот какого чёрта я опять одна попёрлась куда-то, а?! Ещё и «со сранья»!

– Есть телефон позвонить?

– Нет, у меня нет телефона. Я без всего.

– А это чё... Баблишко? – замечает один из них мой оттопыренный карман, и я тут же напрягаюсь.

– Тебе какое дело? Иди куда шёл!

– Слышь ты... Рот свой закрой.

– Господи, да вы чего здесь все такие мерзкие, а! – только и успеваю сказать это, как меня начинают хватать за руки и рыться в моих карманах, а я ору на всю улицу в истерике.

– Отпустите! Помогите! Суки!

Вижу, как у меня забирают последнее и мои глаза начи-

нают слезиться.

– Верните... Верните, это моё последнее... Мне жить не на что!

– Да меня даже не ебёт, красотка, – выдаёт один из них, пересчитывая мои деньги. – Вот это улов. Тридцать семь косарей, прикинь...

– Них... – выдаёт второй, а я уже не выдерживаю.

– Верни, я говорю! – остервенело кидаюсь на него и начинаю яростно бить по всему, что вижу и не вижу, потому что прикрываю глаза в порыве, напрыгнув сзади, схватив его за шею и начав душить, пока он пытается сбросить меня с себя.

И к нам вдруг неожиданно подъезжает уже знакомый мне филдер.

Парень, на котором я вишу замирает и смотрит на машину, а я так вообще проглатываю ком, уставившись на Славу в немом отчаянии.

– Слав, ты чё? – спрашивает он, вытянувшись струной и обхватив мои руки, которые сомкнулись на его шее мёртвым узлом. Ещё бы чуть-чуть и я бы его синим закопала за этим зданием...

– Девчонка со мной, Шкет. Отпусти.

– Да это она меня держит!

– Он у меня деньги забрал! – спрыгиваю с него, отряхиваюсь, а он тут же швыряет мне их обратно пачкой.

– Ничё я не брал. Слав, правда, не брал... – оправдывается так, словно не он тут пять минут назад выделялся и

изображал из себя сраного ээка.

– Садись давай, – зовёт меня ненавистный отныне мужчина и я, подняв деньги с земли, иду до его тачки, а они пытаются слинять.

– Стоять, – бросает он им в окно. – Пересчитай. – обращается ко мне.

– За...чем...

– Пересчитай-пересчитай... – говорит и пока я начинаю пересчёт, выходит из машины, направившись к тем самым парням... Я смотрю в зеркало заднего вида. Как они что-то пытаются сказать, а он кладёт ладонь на одного и них и дёргает за шкиряк. Мамочки... Лучше не смотреть. Дальше продолжаю считать и вроде всё на месте... А он как раз возвращается.

– Всё?

– Угу, – отвечаю ему, нахмурившись. Он дёргает за ремень и пристёгивает его на мне, а я слышу гул собственного сердца у себя в горле... А может это мотор этой полудохлой тачки, не знаю... Да и он слишком близко... Такой напряженный и злой. Будто сам по себе молния...

Едем мы молча, а потом я вижу, что он останавливается у какого-то другого здания. На этот раз наверху красуется вывеска «Надежда». Мне аж смешно становится. Почему здесь всё названо женскими именами???

– Этот с восьми. Иди выбирай, – бросает мне, глядя на меня таким взглядом. Мол «я же тебе говорил». Вот прям

вижу и читаю в нём упрёк.

– А вот не надо так смотреть на меня! Это вообще из-за тебя получилось!

– Да ладно? Серьёзно? – спрашивает с сарказмом, и мне хочется высказать, что я из-за него сегодня такая взбешенная. Но я не хочу. Потому что он подумает что-то не то и откажется от занятий... Фиг ему.

– Я пошла, – дёргаюсь и иду в сторону магазина, а он вытаскивают башку из машины и выкрикивает.

– И затычки себе купи, у тебя ПМС походу, – бросает нагло, после чего я оборачиваюсь в бешенстве и, раздувая ноздри, показываю ему фак.

Скотина такая, а...

Иду и пытаюсь вспомнить, когда у меня были месячные, блин... Ведь по сути всё отмечено в телефоне и мне теперь никак не посмотреть...

Цены на футболки тут, конечно, просто смешные. Пятьсот рублей, серьёзно?

Кроссовки просто пипец... Всё склеенное, воняет китайской резиной с уличного рынка... Сплошная паль с логотипами разных там Нью бэлансов, Найков и Рибоков. Ээээх. Но это лучше, чем резиновые тапки...

В итоге я выхожу оттуда в обтягивающих леггинсах, коротком спортивном топе и новеньких кроссовках и на всякий случай беру себе пачку прокладок и тампонов, как он и сказал. А ещё шоколадный батончик... Кажется, всё-таки он

прав... Господи.

Как он вообще догадался, блин? Да ещё и так смотрит теперь...

– Что? Как я выгляжу? – спрашиваю, повертевшись перед машиной, а он психует и сильнее сжимает свой руль. Чуть ли не с пеной у рта. Такой злой снова... Вроде уходила, всё было более-менее. Ему мой наряд не понравился, да?

– А-а-а... Садись уже, – рычит на меня, и я хмуро усаживаюсь рядом, молчаливо пристёгивая свой ремень безопасности, когда он начинает движение...

И чего так разозлился? А может из-за среднего пальца? Так сам виноват, блин...

Доезжаем обратно и видим толпу мальчишек на крыльце, которые уже всюю ждут, когда здание откроется.

– Из-за тебя, между прочим, – ворчит, вылезая из машины, и я иду за ним следом. А потом, когда подходим к крыльцу, слышу перешёптывание парней позади от нас.

– Вот это у неё охрененная жопа, конечно...

– Офигеет...

Стою, улыбнувшись, и думаю. Да! У меня охрененная жопа! И пошло всё к чёрту, с кем бы и как сладко ему там ночью не было!

Глава 9.

Вячеслав Соколов

Стрельнутая. Точно проблем не оберёшься. Просто так и знал, что сейчас нарвётся на неприятности, поэтому искать её поехал.

В итоге, как увидел, что она уже со здешними срётся, немного охренел. Ходячая проблема, а не женщина, конечно. Ещё и с утра вела себя, как истеричка обиженная. Так и не понял почему. Вскрики какие-то, дёргания, поведение, как у взбалмошной девицы. Или её сильно баловали, или она с рождения много падала и билась головой... Я пока не раскрыл тайну её причудливости...

Ездил к Таньке ночью... Это было странно, конечно. Впервые у меня такой секс был. Максимально новый для меня экспириенс. Ебал одну – представлял другую. Во всей красе причём, хотя ни хрена не видел даже толком. До сих пор перевариваю. Чувство такое, словно с ней это делал. А на деле и не собирался даже.

Потом она вышла из магазина в своих этих обтягивающих лосинах и всё... Пизда рулю. Я даже когда кочки объезжал чувствовал, как каменный стояк мешает думать. Как он, сука, подпрыгивает от каждой колдобины. И это после того, как ночью драл Черешкину часа три подряд... Как так, до сих пор не понимаю.

Будто колдует, нахрен.

Точно говорил – избалованная малолетняя халда. Характер как у самой отбитой сумасшедшей. Да ещё и рукожопая... Вредная, наглая с самомнением как к у почившей королевы Елизаветы. Раздражает...

Прямо сейчас идёт передо мной, пока пацаны что-то спрашивают у меня. А у меня все мысли о её заднице, которой она будто нарочно виляет туда-сюда, раздражая меня до белого каления. Я даже не понимаю слов. Тупо не могу осмыслить, что они говорят.

– Так, все вопросы потом. Я по делу отлучусь на пять минут. Разминайтесь пока, парни...

– Ладно, – провожают меня отрешенными взглядами. А эта... Краем глаза вижу, что идёт в конец зала к груше, ну а пацаны, естественно, за ней, как хвосты. Те, которым от шестнадцати и старше... Так и знал, что отвлекать будет. Ладно тогда, когда ходила в трениках... Но вот так – это прям жесть какая-то...

Я же сам как малолетний пиздюк рядом с ней.

Нихера... Научу её уставать и упыхиваться. Так чтобы вела себя соответствующе. Нашла где бампером своим светить, блин...

Возвращаюсь обратно весь злой и напряженный. Сразу же окрикиваю тех, которые там столпились возле неё... Мало того, что смотрят на неё, так она ещё и улыбается им, что-то там обсуждают. Прибил бы... У них, наверное, темы есть

общие. Возраст-то примерно один и тот же. И хера ли меня так бомбит из-за этого?! Никогда я вот так на женщину не реагировал. Она меня жёстко и ужасно триггерит до трясучки. Всего трое суток здесь, а чувство, словно мы вместе сотню лет прожили. Уже чётко знаю, где и как она будет меня донимать, словно это у неё в ДНК, на природном уровне выстроено. И судя по тому, что она всё же купила свои эти женские крылья, всё-таки не за горами у неё это самое... На этот период точно нужно будет в клетке какой-нибудь запереть, чтобы не вредила обществу.

Оборотень, блядь, в лосинах.

– Саня, Митяй, блин! Чё за херня?! Куда смотрите?! – рывкаю на них издалека, а они тут же опускают глаза и идут в мою сторону, вжав головы в плечи.

– Сори, Слава...

– Какой я тебе, нахрен, Слава?! Ща оба получите у меня! – замахиваюсь в шутку. Но так бы и треснул подзатыльники. А за что? За то, что у них пубертат в самом его разгаре? Так у меня тоже так было когда-то... Вот и сейчас, блядь, заново пошло... Позорище, Слава...

– Вячеслав Александрович, мы всё...

– Работаем! Девочек не видели или чё?! – выпаливаю агрессивно и тут же ловлю взгляд её карих возмущенных, но таких озорных глаз, что хочется между ними членом треснуть. Прямо по лбу!

Иду к ней весь натянутый, как опорный столб с высоко-

вольтным напряжением, а она будто нарочно ещё сильнее выпячивает свою жопу. Неугомонная баба с комплексом Бога, блин. Так бы и выдрал всю жопу ремнём, а-то в детстве, видать, вообще не наказывали.

– Надень, пожалуйста, футболку. Я очень тебя прошу...

– А что так? Слишком красиво? – спрашивает с улыбочкой и смотрит на меня язвительно. Вот где я проявил перед ней слабость, а, где? Почему она ведёт себя так, словно ей вообще до пизды моё мнение и общественный порядок?

Ещё бы в стрингах тут грушу пинала. Ну, серьёзно!

– Безумно, – отвечаю, сцепив зубы. – Наденешь?

– Только если твою, – отрезает нагло. Да ещё и в позу встаёт, скрестив свои тонкие руки на груди, чем только подсвечивает вырез на сиськах в этом блядском топе. Нет, я точно с ней стрельнусь.

– Она тебе до колен будет, девочка. Не по зубам тебе такая. Носи то, что есть.

– А я хочу твою, – снова нагло рубит, заставляя меня ощепиниться.

– Да чё ж ты такая вредная, а?! Анютка?

У меня от неё кровь закипает и башка дурит. Не знаю, чё она от меня вообще хочет. То ли провоцирует просто, то ли характер у неё просто демонический, блин... Невозможно же справиться. Хоть родакам её звони и проси, чтоб забрали... Есть же у неё такие.

Ведь у бойца должна быть ледяная субстанция внутри,

иначе не сработает ничего. Тактику потеряешь, пока будешь отвлекаться на бурлящие внутри пузыри. Так нельзя просто. Это основа. Я хорошо знаю, что такое ревность, разочарование и боль, которая заставляет тебя быстро двигаться, не думать и фактически сгорать на ринге. И ни к чему хорошему эта хрень, к сожалению, не приводит.

– Снимай! – повышает голос и смотрит так, что меня всего бомбит. Стягиваю для неё свою майку и остаюсь по торс голым. Чувствую, как мышцы непроизвольно сокращаются, а она, сука, так таращится, что просто меня размазывает своим взглядом. Это финита уже... Я начинаю хотеть её. А это неправильно.

– На! – швыряю ей в лицо и разворачиваюсь, уходя оттуда. Возвращаюсь на ринг, где парни выступают в спарринге и уже по-страшному косячат без меня.

Я понимал, что она будет влиять, скорее всего. Поэтому подсознательно был против... И жалко ещё стало. А теперь уже поздно. Они уже от курса отбиваются.

– Нога, куда?! Саня! Убрал быстро! – дроблю, желая ему её оторвать нахер.

– Я убрал!

– Чтобы не видел больше такой дичи!

Они все взбешенные, я такой же... И всё это та маленькая стерва, которая сейчас надевает на себя мою футболку и подмигивает мне из угла зала, словно нарочно ещё сильнее распаляя. Я уже начинаю быть агрессивным. И мне эта фиг-

ня совсем не нравится...

А что если я потеряю голову и на неё накинусь, когда здесь никого не будет? Что тогда, нахрен, будет?!

Глава 10.

Вячеслав Соколов

– Работаем, работаем... Вы сегодня как мухи сонные! До соревнований месяц! Саня, вот чё это?! Митяй, свалил отсюда... – отгоняю его в сторону и становлюсь напротив. – Ударь меня.

– Перчатки... – бросает взгляд на мои кулаки.

– Без них я. Давай ударь... Боковым заходи...

Едва он пытается, как я отклоняю корпус назад, ухожу под ударом, согнув колени, и подставляю плечо, перекрывая его жалкую попытку задеть меня. Сказать, что я в ауте – ничего не сказать. Они когда пришли ко мне лучше дрались, чем сейчас. У меня даже челюсть скрипит от злости.

– Чё это? Сань?! Где мой боец, блин?! Чё случилось?

Он опускает виноватый взгляд, а я смотрю на него и хмурюсь.

– Сань, чё происходит... То ты бухаешь перед тренировкой, то лафишь... Говори давай или можешь, нахрен, больше не приходить сюда.

Едва произношу, как он психует, стаскивает перчатки и швыряет их на пол, а я тут же перехватываю его шею, зажав рукой и согнув пополам. Щенок, блин.

– Стоять, блядь! Саня...

– Отпусти... Пусти! – рычит он на меня, а я всё равно

держу.

– Говорить пошли! Не будь солпёй, нахер! – ташу его в сторону улицы на задний двор и конечно прохожу мимо этой, которая в один момент меняется в лице, потому что видит нас и то, какие мы с ним запаренные. Молчит и просто отходит в сторону, пропуская к двери. Ладно хоть тут не влезла, ума хватило. А то ведь везде свой любопытный нос засунет...

– Говори, – расслабляю руку, отпустив его, как только выходим и закрываем за собой дверь.

– Сука... – трёт шею от моего захвата. Вот ведь малолетки пошли, а. Шпана, блин.

– Не матерись, а говори! – рычу на него, встав напротив.

– Там отец... Опять... В общем... – мнётся он, спрятав глаза.

– Чё забухал? – спрашиваю прямо. Знаю же основную проблему его семьи.

– Угу, – кивает он и хмурится. У самого прям вид унылый капец. И как я не заметил на этот раз? Да потому что всё внимание на Аньку теперь, блин. Фокус весь сместила. Гадина...

– Мать чё?

– Она на работе... С фофеном...

– Так, ясно... Где щас тусишь?

– У Митяя...

– Деньги есть у тебя? Идём... – ташу его за собой в комор-

ку, а уже там лезу в свой небольшой сейф, где храню доки и бабло. Там не так много, но мне вполне хватает. С обмена тачки осталось плюс зарплата и наградные с прошлых боёв. Пережитки моего травмированного прошлого...

– Вячеслав Александрович, не надо... Мама там... И так не заплатила за секцию.

– Прекрати уже. Мне боец нужен, а не сопля зелёная. Вырасти! – рывкаю на него, сунув деньги в карман. – Дают – бери! Понял?!

– Понял...

– Всё. Иди давай... Завтра поговорим...

– Угу... – он уходит, а меня всего разрывает. Я знаю, что такое дерьмовый отец. Знаю, что такое мечтать драться, чтобы заступаться за близких людей. Я понимаю, каково ему. И меня сильно, блядь, ужасно триггерит всё это. Я даже про девчонку забываю напрочь. Кажись, я перегнул просто с ней.

Сижу, чешу репу и слышу тихий стук за спиной. И опять она появляется, словно привидение, на пороге.

– Можно? Всё в порядке?

– В порядке. Чё устала?

– Нет...

– Ну иди тогда занимайся, чё пришла-то?! Тебя не звали...

Она сглатывает, а я закрываю сейф, хлопнув дверцей, и иду к двери.

– Иди-иди отсюда. Нечего тебе тут делать.

– Ты сам хамло, Слава! Ещё и мне что-то говоришь! – выступает она обиженно. А на обиженных, как всем известно, кладут кое-что...

– Ага, иди давай, – случайно касаюсь её талии рукой, пока выталкиваю, и аж заряд по телу бежит. Она ещё так оборачивается в этот момент. Взгляды магнитятся. Нет... Только не это.

Тут же отворачиваюсь и закрываю дверь на замок.

– Иди говорю... – уже шиплю на неё в отчаянии. Сам себя начинаю ненавидеть за такое тупое поведение. Как будто девку впервые красивую увидел. Может с тех самых пор просто истосковался по женской ласке. Нет, Танька даёт. Я сам не принимаю. Но с Анюткой что-то не так в груди. Я это шестым чувством ощущаю...

– Ладно, ушла... – шепчет тихонько и покидает коридор, а я стою как задрот и упираюсь лбом в деревянную поверхность. Сколько ж можно вот так на ней залипать, не представляю? Когда уже свалит? Надо быстрее тренировать... Или сделать так, чтобы желание потеряла сама и свалила в закат.

Ещё и с отцом Лёхиным теперь разбираться. Раз с ним говорил, два, сука. Не слышит! Парню отец нужен, а не говно пьяное, кем он является, когда бухает. И вроде так-то мужик нормальный, на лесопилке всю трассу проработал. А тут... Выпьет и всё, как подменили... Начинает мать его бить... И его самого тоже поколачивает периодически. А там как бы

девяносто кило живого веса. Куда с ним пацану тягаться? Даже боксёру. Я-то понятно, его одной левой уложу, а он?

Кароче, ничего не остаётся, кроме как идти и переваривать происходящее...

На Анютку стараюсь вообще не смотреть. Только когда зовёт в очередной раз, направляюсь туда. Потому что выхода у меня нет, и нужно как-то бороться со своей тупой недопустимой тягой к ней.

– Смотри, как научилась... – резко даёт ногой по груше, и я опять злюсь на неё.

– Молодец, конечно... но какого хера?

– Я книжку читала твою вчера... По боксу.

– Анютка... Это не по этому боксу книжка. А Муай Тай! Тайский бокс. В обычном удары ног запрещены, дурочка...

– Блин, ты серьёзно?! – спрашивает у меня визгливо. А мне хочется заржать ей в лицо.

– Ты хоть раз видела?

– Не помню... Правда не помню, – задумчиво отвечает, закусив губу. Даже тут, блин, будто специально. Или у меня уже все мысли об одном.

– Ну вот, теперь будешь знать.

– погоди, и как тогда? – хмурится она напуганно.

– Только кулаками, как ещё?

– А ты можешь... Научить и ногами? Ну чтобы я просто умела, ведь у меня ноги сильнее... А мне нужно не для соревнований, а для самозащиты...

Смотрю на неё и вздыхаю.

– Ещё раз покажи...

Она повторяет, а я морщусь.

– Ты нахрена так бьёшь? Ты даже корпус не вращаешь...

Неправильно... Сюда иди... Блин, – осматриваюсь и чуть завожу её в сторону к матам. – Чтобы пацаны не видели, а то начнётся...

– Они против такого?

– Я сам запрещаю. Тут по боксу секция, а не всякое...

Муай Тай...

– Так и?

– Расслабься, – дёргаю её за талию и снова подталкиваю к себе. Пиздец... Все конструкции сразу внутри скрипеть начинают. Что была опора, что не было... Крах империи... Всё трещит. – Тело должно балансировать. Чтобы сила удара перетекала со всего тела в ногу... Понимаешь?

– Нет... Ну... Не совсем...

– Первую подогнула. Второй удар резкий с вот таким вращением... Корпус идёт за ногой, направляя всю силу удара... – поднимаю её ногу, веду, а она просто заваливается на меня и смеётся. В итоге я... Держу её перед собой и дрожу, словно малое дитя на выпускном перед танцем с девчонкой, потому что у неё какой-то нездоровый дар воздействия на меня. Особенно так близко. Даже ладони потеют и в висках отстукивает. Мне бы не переусердствовать с такими вот тренингами.

– Ты, кароч, не стегай, а... – чуть отхожу, потому что она, будто нарочно меня приручает. И виснет тоже... Как липучка обволакивает.

– Да я правда хочу научиться!

– Так учись! Я тебе показываю. Повторяй... А-то ты ведь лезешь нагло!

– Я лезу?! Я вообще к тебе не лезу! У меня, если хочешь знать, жених есть в Москве! – выпаливает злобно, а я смеюсь и выдыхаю.

– Слава Богу... Искренне рад. Так возвращайся к нему скорее! Чего ж ты фукала, что замуж никогда не выйдешь?! Я тебя даже на вокзал с радостью отвезу! Тут электрички до столицы ходят через каждые полчаса...

– Сволочь ты, Слава, – обиженно отворачивается от меня и зависает, а я чувствую, что, наверное, зря сказал... Но уже поздно, потому что она, кажись, ревёт, а я не умею исправлять ситуацию, поэтому просто ухожу оттуда обратно к парням... Только теперь всё вокруг пахнет ею. И как прекратить чувствовать этот манящий аромат мармелада, не пойму...

История участвует в литмобе "Мой первый"

«Мой первый» — это любовные романы о самом важном опыте в жизни каждой девушки. Они о страхе и нежности, о доверии и ошибках, романтике и всепоглощающей страсти. О нас с вами.

<https://litnet.com/shrt/Jj7M>

Глава 11.

Аня Михайлова

Какой же остолоп, а... Ну почему ничего не понимает?! Задевает ведь своим чопорным занудным поведением. Ведёт себя по-дурацки! Гонит всё время куда-то. Я понимаю, что ему всё равно, но хоть немного должно быть сочувствия внутри, нет? Человек ведь не может быть вообще без души?

От злости на него и обиды я продолжаю тренироваться в гордом одиночестве. Порыв идёт изнутри. Я очень-очень переживаю за его к себе отношение, сама не знаю почему... Мне хочется показать ему, что я значу. Что я буду стараться...

Стою в углу зала, окружённая только звуками собственных шагов. Не могу сказать, что я уже хорошо умею бить – скорее, это просто пробные удары, неопытные и неловкие. Пальцы сжаты в кулак, и я стараюсь вообразить, что это оружие, хотя ощущение всё ещё чуждо. Понимаю, что так как он бить действительно не научусь, но... Хотя бы как-то.

Я поднимаю руки, пытаюсь отбить дыхание, и делаю первые неспешные удары в воздух – слабые, растерянные, словно я пытаюсь говорить на новом языке. Каждое движение кажется непоследовательным, будто я только учусь понимать, как управлять своим телом в этом ритме. Танцевать я умею. Танцевать – моё. А это всё в новинку.

И Славы нет, чтобы поправить, направить или подбодрить. Есть только я, наедине с самой собой, и внутреннее желание научиться. Мне кажется, что я ещё не скоро научусь хотя бы правильно делать джеб, но в этом и заключается всё очарование: каждый удар, каждое движение – это шаг к тому, чтобы понять, на что я способна. Пока только стараюсь, иногда смущаюсь, иногда улыбаюсь сама себе. Внутри чувствую, как загорается какое-то тихое, но непоколебимое желание стать сильнее, научиться бить не ради победы, а ради самого процесса.

Я сама не замечаю, как во время отработки удара он подкрадывается ко мне и встаёт сзади метрах в трёх, скрестив свои огромные руки на груди и наблюдая за мной со стороны. Но когда это происходит, тут же оборачиваюсь.

– Что? – задыхаюсь, остановившись и поправляя волосы перемотанными руками.

– Уже лучше. Стараешься... – говорит будто бы даже без стёба на этот раз.

– Тороплюсь скорее оставить тебя в покое, – отрезаю, пока он усмехается.

– Так и понял, да... – достаёт бутылку воды из кармана. – На, попей. Сколько раз говорил. Это важно.

– Давай, – перенимаю и снова пью как в сухую землю. От этого бокса такой сушняк, блин. Не представляю сколько калорий он тратит. Потому что есть мне теперь хочется постоянно и много.

– Я не хотел тебя задеть... Насчёт твоего замужества...
Ляпнул и потом пожалел...

– Что так? Сам хочешь? – язвлю в ответ, а он смеётся.

– Нет уж, увольте... Я имею в виду, что это не моё дело
вовсе. Твоя личная жизнь и всякое такое. У тебя уже доста-
точно чётко получается. Единственное... Тебе нужно руки
качать и пресс.

– У меня же есть пресс! – тут же задираю я его футболку.
Сам-то он уже тоже оделся. Он, конечно, снова смеётся, гля-
дя на мои косые мышцы живота.

– Это что пресс? Вот это пресс, – поднимает он свою и по-
казывает. Конечно у него там всё в кубиках... Каждая мыш-
ца подсвечена и прорисована. Очень красивое мужское те-
ло... Такое рельефное и загорелое... Господи, о чём я опять
думаю, а?!

Аня, прекрати!

– У меня такого как у тебя не будет...

– Не будет, но и это не важно. Главное, чтобы хоть ка-
кой-то был. Когда бьёшь, нужно живот напрягать. Напряг-
лась... Всю силу переложил в руку в этот момент. Ты и есть
твоя рука... И в планке стой... Долго. Сколько можешь?

– Не знаю, – отвечаю задумчиво. – Как-то минуту стоя-
ла...

– Ну и отлично. Попробуй для начала минуту. Потом пол-
торы. И так далее... Нарращивай хотя бы до трёх. Будет до-
статочно...

– Хорошо... – отвечаю я. – Слав... А что там с тем парнем? – спрашиваю, и он тут же снова сводит свои густые брови на переносице и смотрит с явным осуждением. Мне что вообще ничего спросить уже нельзя?! Я же видела, как он его скрутил и потащил на задний двор. Интересно стало, за что... Что он такого натворил?

– Ничего... Что за вопросы такие?

– Мне показалось он был очень расстроенным... И ты тоже. Это твой брат?

– Нет. У меня нет брата. Если допрос окончен, я пошёл дальше работать... А всё остальное можешь спросить у него прямо, если волнуешься очень, – говорит он мне, словно сам ревнует. Но мне, наверное, уже кажется.

– Ясно, поняла, – отрезаю и смотрю на него снизу вверх. Такой высокий, блин, по сравнению со мной. Каждый раз люблюсь. – Значит, мы не друзья?

– Друзья? Я и ты? Мы – тренер и ученик. А всё остальное выкинь из головы. Окей?

– Окей, – с грустью отвечаю, глядя на то, как он разворачивается и собирается уходить обратно к воспитанникам...

И снова бьёт меня по самолюбию. Потому что, кажется, он мне нравится...

Хотя бы просто как человек. Как парень...

Что плохого, если я мечтаю подружиться? Я не хочу, чтобы он снова куда-то уходил сегодня.

– Слав! – опять окрикиваю, и он снова стопорится.

– Господи... Анютка... Ну что?

– Давай я сегодня ужин попробую приготовить? М? Хочу вместе посидеть немного, просто поговорить... Пожалуйстааааа... – выпрашиваю его, пока он напрягается и вообще не шелохнется. Словно на «стоп» нажали... Чего это он завис?

Молча кивает, взглянув на меня строгим взглядом и всё-таки уходит...

А я стою и улыбаюсь.

Вячеслав Александрович... Вам от меня уже никуда не деться...

Глава 12.

Аня Михайлова

Поверить не могу, что он согласился... Может немного удастся его смягчить? Я таких как он ещё не встречала, если честно... Поняла же, что он помогает этому парню от чистого сердца. Успела подслушать кое-что из их разговора. А для меня это прям показатель его мужественности, что ли...

Сама не знаю, почему.

Ещё мне интересно, забили ли на меня фиг те самые бандиты, от которых я убегала... Когда я ходила в прошлый раз в магазин, никого подозрительного не видела... Но это я с дуру, конечно. Из-за ссоры со Славой. Мне кажется, я готова делать любые непредсказуемые и безрассудные вещи, лишь бы подвести ему одно место к носу... Не знаю даже почему.

Какая-то нездоровая реакция на взаимодействие с мужчиной. Наверное, потому что я привыкла, что они обращают на меня внимания. А с этим не выходит, как обычно. Вот я и выдумываю всё, лишь бы обратить на себя его внимание...

Не знаю, что буду готовить и вообще смогу ли, но теперь у меня все мысли об этом. Может... Он просто поможет мне?

Ээээх... И спросить не у кого.

Наблюдаю за тем, как он их обучает со стороны, незаметно выглядывая из-за груши. Как двигается... И как напрягается. Не мужик, а скала просто. И я солгу, если скажу, что он

мне не симпатичен. Что я бы не хотела спрятаться за таким в случае любой опасности. Или прижаться, когда мне грустно. У меня просто таких раньше не было. Чтобы несмотря ни на что заступались, готовили, блин, учили меня чему-то. Сами из себя что-то представляли.

Кажется, я уже от него завишу... А ещё кажется, что пожалею в конце концов. Не знаю. Не дай Бог ещё влюблюсь? Возможно ли это? Если да, то как это потом вылечить?

Когда тренировка заканчивается, мы меняемся местами.

На этот раз я собираюсь готовить, а он – мыть полы в зале. И тогда я вежливо прошу у него телефон. Во-первых, чтобы позвонить мамочке, во-вторых, чтобы посмотреть, что и как вообще нужно делать. В интернете... Но сначала он показывает мне то, что у него имеется в закромах.

– Здесь есть рыба, мясо, картофель, сыр... Так, что ещё... Лук, чеснок, о... Есть даже сметана и грибы...

– М... Шампиньоны?

– Не-а... Грузди замороженные. Из леса...

– Фу...

– Капец, Анька... – вздыхает он, покачав головой, и снова усмехается надо мной. – Что делать-то хочешь?

– Я понятия не имею. Я вообще не умею готовить...

– А чего вызвалась тогда? – спрашивает и ржёт. – А... Полы мыть не хочешь, да?

Не поэтому, конечно. А просто приятно хотелось ему сделать... Но я молчу, растягивая губы.

– Ладно, я понял, – усмехается в ответ. – Телефон тебе дать?

– Да, я же попросила...

– Ладно... – толкает мне его в руки, словно дровосек. Да же нормально передать не может, блин. Лишь бы не касаться меня лишний раз. – Я полы пошёл мыть. Если что непонятно, зови... И это... – ещё раз смотрит прямо мне в глаза. – Не спали нас только, очень тебя прошу...

Я фыркаю, а он уходит с улыбочкой на лице. Гад такой, а...

Надо же меня обязательно задеть словцом на прощание.

Тем временем я жду, когда его фигура исчезнет с горизонта и тут же набираю номер мамы... Потому что и вправду уже соскучилась по ней.

Она берёт трубку почти сразу... И едва слышит мой голос, как начинает причитать...

– Господи, Аня! Я звонила по тому номеру, но меня уверили, что никакой Ани не знают и сбросили, а потом и вовсе толкнули в чёрный список! Ты что?! Кто так делает?! Я уже думала в морги звонить!!!

– Мам... Извини...

– Да что извини-то! Знаешь, как я волнуюсь за тебя! Домой приезжала твоя Лена... Спрашивала, где ты...

– О, Господи, – вздыхаю я в ужасе. Но с другой стороны, хорошо, что они хотя бы спохватились. Да, не сразу... Но хотя бы через трое суток.

– Я уверила папу, что ты с другими подругами... Но он сильно разозлился. Спрашивал с какими и почему так долго. Дочка... С кем и где ты пропадаешь!? Мне-то хоть скажи! У тебя что парень появился? – спрашивает она, и мне ничего не остаётся, как немного приукрасить настоящее состояние дел...

– Ну... Мужчина – да...

Сразу слышу же громкий восторженный выдох. Она давно хотела, чтобы у меня появились серьёзные отношения. Это папа всегда был против. Потому что ему никто из моих знакомых не нравился. Все для него были недостойными. А про Славу я даже примерно не представляю, что бы он сказал. Он же из рабочего класса, блин. Отцу такое вообще не гоже, мне кажется.

– Ой... Ничего себе. А лет сколько? Как зовут?

– Слава... Лет... Ну где-то двадцать семь, наверное... – заявляю я, нахмутив брови и задумавшись, пока мама там смеётся надо мной.

– Наверное? Ты что не знаешь, сколько ему лет? – хихикает она, и я вздыхаю.

– Мам, я ему в паспорт не заглядывала, если честно...

– Ну хоть хороший он? Между нами?

– Угу... Чудесный... – отвечаю и слышу его грубые маты, звучащие фоном из зала.

– Ладно... Для отца я что-нибудь придумаю. Но ты, пожалуйста, держи меня в курсе и возвращайся. Со своим муж-

чиной возвращайся. Познакомимся все.

– Ага, обязательно, мам... Люблю тебя, – быстро сбрасываю трубку, и мне становится так стыдно, блин... Ещё и маму сюда приплела. Соврала ей, можно сказать, потому что Слава скорее в монахи подастся, чем обратит на меня внимание, блин... Но и сказать, что я в какой-то деревне учусь боксу и вернусь только когда научусь махать кулаками и защищать свою честь от насильников я тоже не могла... Тупо ведь.

Очень скоро я открываю какое-то видео с рецептом и приступаю к готовке. Оказывается, чистить картошку так ужасно сложно. Никогда больше не буду гнать на шефов, когда они долго что-то делают. О, ужас... В процессе чистки я режу себе два пальца, и оба до крови. А картофеля почему-то получается вдвое меньше, чем кожуры... Вот же ж гадкий овощ...

Матерюсь, визжу, ругаюсь... И судя по хохоту Славы из соседнего помещения он меня слышит.

Затем идёт очередь рыбы. А её ещё нужно почистить от шкуры и костей... Это просто кошмар. Я никогда с таким не справлюсь.

Тогда приходится звать своего героя... Потому что я не то, что не умею. Я боюсь себе кисть отрезать, нафиг, в процессе.

– Слаааав... – прихожу за ним в зал.

– Оу?

– Слушай... Я выбрала рыбу... Но я и рыба... Мы как бы... Мы из разных сред обитания... – мнусь, пытаюсь подо-

брать слова, чтобы не было так унизительно, но он всё равно ржёт как придурок. – Ну, Слааав!

– Да я поняла, наземно-воздушная Вы наша... Ща руки помою, приду...

Вздыхаю и жду его... А потом мы начинаем готовить вместе...

Лучше бы не делали этого, конечно. Потому что, когда я наблюдаю за ним, я влюбляюсь в него всё сильнее... Как в человека, в друга, в парня. Не знаю.

У меня ощущение, что у него совсем нет недостатков, кроме как его сухость и замкнутость. А быть может, он такой только со мной. А с этой своей девушкой совсем другой? Может, он даёт ей то, чего я так хочу? Просто я для него как бельмо на глазу?

Выкладываем рыбу в формочку, дальше картофель, лук, сыр, заливаем всё это дело сметаной и оборачиваем фольгой. Мне кажется, наше блюдо достойно быть включено в лучшие меню столичных ресторанов. Ну чем хуже, а?

Мне нравится, как он готовит... Или как мы готовим. С ним... Это уже явно больше, чем дружба.

– Всё, я домыкать пошёл...

– Я с тобой! – тут же вскакиваю и следую за ним хвостом, пока он идёт вперёд и смеётся надо мной. – Что? Ну чего ты смеёшься? – толкаю его в широченную спину, но для него это как щекотка... Зато я коснулась. Хотя бы немного его горячего стального огромного тела... И нет да нет смотрю на

его жопу, конечно... И почему спортсмены все такие красивые, а? Подтянутые и рельефные?

– Ничего. Смешная ты просто, Анька. До сих пор не понимаю, чего домой не едешь...

– Так ты даже не спросил обо мне ничего!

– А что должен был? – спрашивает он, вынув тряпку из ведра и отжимает её у меня на глазах... Господи, он даже это делает как-то излишне горячо. Словно какой-то порноактёр, я сейчас взорвусь. Ужас какой. У меня уже совсем рассудок рядом с ним плывёт. Неужели у меня наконец началось оно самое? То ощущение, про которое рассказывали девчонки? Когда не можешь совладать с разумом рядом с особою мужского пола и готова отдаться ему? Вот оно, что ли? Если да, то просто позор. Он ведь меня даже не хочет в ответ!

– Должен, конечно... Я ведь живу с тобой... – бурчу обиженно.

– Хах... Ну да. Живёшь. Конечно, – соглашается, но будто с сарказмом.

– Если честно, я сама не знаю, кто те люди и что им было от меня нужно. Как я поняла, меня похитили из бара для кого-то... по чьей-то указке...

Он приподнимает бровь, замерев, а потом продолжает мыть пол. Уже под моими ногами. И видно, раздумывает.

– Отойди, – командует, и я отхожу в сторону.

– Скажешь что-нибудь?

– А что сказать? Мне нечего...

Я молчу, пытаюсь понять, ему вообще неинтересно, да? Я зря придумываю то, чего нет... Зря ловлю его взгляды? И внутри так жётся, блин. Почему-то больно от того, что он вообще не желает обо мне спрашивать.

– Мой отец, он... Против моего выбора в обучении... И мы всё время ругаемся...

– А на кого ты учишься? – интересуется он приглушенно. Не уверена, что ему прям реально хочется это знать. А буд-то просто для галочки спрашивает. Чтобы разговор поддержать.

– Я – ландшафтный дизайнер... Точнее, я ещё не учусь... Поступила только.

– О, Боги... Тебе восемнадцать-то хоть есть? – тут же напрягается он, сильнее сжав кулаки на деревянном основании.

– Есть... Мне исполнилось в тот самый день... Когда мы с тобой встретились.

Он вдруг замирает и хмурится.

– А чего не сказала, что День Рождения?

– Не думаю, что тебе это было сильно важно. Мы вообще не разговаривали тогда...

Он сердито отворачивается и продолжает работать, а мне становится очень грустно... Надо было рассказать? И что бы он сделал тогда?

Когда вода загрязняется, я тут же хватаю ведро, опередив его.

– Я поменяю!

– Только не в раковину, ладно? – спрашивает, и я киваю, улыбнувшись.

– Я помню... Спасибо... – саркастически отвечаю ему, столкнувшись с блеском в его суровых глазах. Божечки... Ну почему так влечёт, я не пойму?

Управляемся мы быстрее, конечно. И духовка как раз издаёт оповещение. Час десять под фольгой. И запах стоит такой, что обалдеть можно...

– Садись, я достану, – говорит он, но я пока расставляю тарелки и вилки, а потом он вдруг ставит на стол уже распечатанное блюдо, покрытое сыром, в котором стоит одна небольшая зажжённая праздничная свечка.

Наши взгляды встречаются, и у меня начинают слезиться глаза, но я всячески сдерживаю этот порыв, потому что не хочу больше реветь перед ним.

– Ну что... С Днём Рождения тогда... Загадывай давай...

Глава 13.

Вячеслав Соколов

У меня порой чувство, словно она реально от меня что-то хочет. Как от мужика. Либо характер просто дурной. Не знаю. Но проверять не хочется на самом деле.

А вот быть бесчувственным и злым я тоже плохо умею. С ней так вообще не работает почти.

Девчонка задует свечку, что я воткнул в наш совместный проект – горбушу с картошкой под сыром, блин. Обычное блюдо, но для неё это было, походу, чем-то сверхъестественным. Кем бы она ни была, явно богатой уже родилась. С золотой ложкой во рту. А значит нужды обслуживать кого-то у неё не было. Судя по всему, она сказала правду про тех гондонов, что за ней бежали...

У нас здесь всегда на чеку участковый. И если вдруг слухи доносят до него, что в районе посторонние машины, он быстро узнаёт, что и как... Реагирует сразу. Мужик нормальный. Поэтому я примерно прикидываю, что ошиваться тут постоянно они не будут. Могли свалить, чтобы вернуться. А могут наблюдать со стороны. Пока ещё не знаю.

Зато узнал, что ей есть восемнадцать. И у меня теперь все мысли об одном. Лучше бы не знал, честно... Лучше бы не фантазировал. Пиздец.

– А ещё одна моя подруга работает в фитнес-центре... Я

с ней там познакомилась. У неё свой бизнес, она крутая. Ей двадцать три всего. Хочу быть как она... – тараторит она и кушает... Я, кстати, заметил, что кушает она хорошо. Не как все эти полудохлые девчонки. Возможно, потому что у меня занимается и устаёт.

– То есть... Иметь свой фитнес-центр? – спрашиваю, и она мотает головой.

– Ну... Не совсем. Просто хочу быть крутой.

– А-а-а... Ясно... – ржу над ней, а она фыркает.

– Ну что смешного? У тебя же есть своё дело... Я тоже хочу.

Сдавливаю ком внутри, потому что это дело – не моя мечта. И не моя суть. Это то, что мне осталось после случившегося.

– Будет, значит... Чего волнуешься? Попроси родителей, уверен, они тебе помогут.

– Ну да... Возможно, – отвечает с грустью. – Отец бы никогда это не одобрил. Если только мама его уговорит...

– Тебе, наверное, на учёбу скоро собираться надо, – намекаю я, на что она сразу же кривит губы.

– Хочешь, чтобы я поскорее уехала от тебя?

– Как ты догадалась?

– Не сложно...

– Я шучу, Аня. Оставайся сколько хочешь. Будем учиться, раз это твоё желание...

– Откуда ты узнал? Ой... Ты не об этом... – по-детски

прикрывает ладонью рот. – Теперь не сбудется.

Вот дурочка, а... Я просто сижу перед ней в ахере. Вроде восемнадцать, а порой ощущение, что всего десять.

– Как много времени нужно, чтобы стать профи?

– Ты им не станешь. Поздно уже...

– Я знаю. Вообще спрашиваю...

– Меня отдали в шесть. Тут был тренер охрененный...

Зотчев Павел Викторович. Мужик – легенда... Он меня готовил.

– Готовил... В смысле? Профессионально?

Ну вот, нахер... Началось.

– Нет, в смысле просто учил, – отрезаю, не желая ничего такого рассказывать о своём прошлом. Нечего ей там копать. Лишнее.

– С шести лет это же... Ого... А сейчас он где?

– Умер, когда мне было двадцать лет.

– Блин... Жалко как... Ты, наверное, сильно грустил...

– Сильно. Он мне как отец был. Больше, чем мой родной отец. Так что... Его потеря принесла мне много негативных моментов и последствий...

– Сочувствую, Слав.

– Спасибо... – отвечаю, стараясь не придаваться воспоминаниям о нём. Я реально очень грущу, когда думаю об этом. Время, увы... Вспять не повернуть.

– А теперь мне кажется, что ты им всем, как отец... Ну или как старший брат, – сообщает она с улыбкой. – Они на

тебя так смотрят.

– Как?

– С уважением... С... Гордостью, кажется.

– Если было бы уважение, меня бы не променяли на твою задницу, дорогуша, – отшучиваюсь я, и она тут же покрывается румянцем и возмущается.

– Что?! Да как ты смеешь!

– Ну что, реально... Как прилипли к тебе. Поэтому я и бешусь. У нас соревнования через месяц. А они много на тебя отвлекаются.

– А... Поэтому... – тут же роняет взгляд, будто расстроилась. Что у неё там в голове, напомните? Мог бы предположить, что гиалуронка, но она вроде как ничего с лицом не делала...

– Ты доела? Помыть хотел.

– Я сама помою! – тут же встаёт и начинает собирать посуду со стола.

– Ну... Ладно. Спасибо... – отвечаю, наблюдая за ней. Пряма-таки решила меня окружить заботой. Если это очередная тактика такая, я свихнусь скоро. Она меня с потрохами сожрёт.

Тонкая талия бесконечно манит быть обхваченной и прижатой к чему-нибудь. Крыша плавно утекает куда-то, и я тут же встаю из-за стола, схватив свой телефон с кресла, где она его оставила.

– Слав, – замечает и зависает с тарелкой в руке. – Ты же не

уйдёшь сегодня? Я долго уснуть не могла в прошлый раз... Кошмары всякие без тебя снились. Не уходи.

Я сглатываю и ощущаю, как сердце гоняет по грудной клетке. Кошмары ей без меня снились... Хитрожолая.

– Останусь, – отвечаю ей, и она тут же улыбается как ребёнок, довольно унося посуду из коморки, пока я пялюсь на её сочную задницу... Капец, я не могу уже. – Но утром мне нужно будет отъехать... Учти.

Она оборачивается и кивает.

А я уже представляю, как после ночи, проведенной с Анюткой в одном обществе, поеду разбираться с Саниными проблемами до его протрезвевшего бати... Если на этот раз ничего не дойдёт, тогда я просто заберу парня себе. Иначе его погубят. А у него блестящее будущее, о котором он, походу, ещё даже не догадывается...

Невольно я вспоминаю то время, когда был на пике. Когда ощущал себя всемогущим. Но дурящее волнение вдруг сменяется волной старых разочарований и острых осколков, из которых я уже ничего не соберу. Остаётся только наблюдать со стороны и учиться на своих ошибках...

Глава 14.

Аня Михайлова

Когда остаёмся с ним наедине, он расстилает для себя небольшое кресло, впервые такое вижу, если честно. Оказывается, называется – раскладушка... А мне он разрешает лечь на своём диванчике.

Чувствую, что немного между нами что-то всё-таки изменилось. Сердце в груди всё сильнее носится в преддверии совместной ночи. Прозвучало, конечно, не так... На самом деле ничего такого не планируется. Но мне бы хотелось, чтобы обнял. Может даже поцеловал. Только я вижу какой от него холод исходит и не буду лезть сама.

Моемся мы в тишине... Я вслушиваюсь в звуки воды за соседней створкой. Хочется опять что-то спросить, но настроение не то после нашего разговора. Терять всегда больно, а для него это, похоже, значило изменить всю свою жизнь. Они с тренером были близки... Я понимаю. Вижу, как мальчишки привязаны к Славе. Думаю, у него было так же... И теперь мне ещё кажется, что что-то он от меня всё-таки скрывает.

Возвращаемся в комнату вместе. Уже чистенькими и распаренными. Он снова выглядит так, словно собирается на ринг.

Но на деле просто прикладывается на это кресло и накрыв-

вается покрывалом, взяв в руки книгу.

– Ты читать будешь? – спрашиваю с осторожностью.

– Не знаю... Хотел. А что?

– Я просто думала поболтаем... – задумчиво отвечаю, и он улыбается.

– А мы разве не наболтались ещё, нет?

– У тебя есть девушка?! – неожиданно выпаливаю так, словно ревную. Слишком громко, эмоционально. Просто как взрыв. И вижу, что он именно так это и воспринял, потому что недоумевает и смотрит на меня удивленным прожигающим взглядом.

– Нет, Анютка. Девушки в прямом смысле у меня нет, и она мне не нужна, – отрезает чётко без какой-либо заминки.

– А почему?

– Что почему, блин?!

– Ну... Почему не нужна... Ты же... Ты не...

– Ещё слово и я тебе язык вырву, – угрожает он, пока я хихикаю, прикрыв рот ладонью.

– Извини... Мало ли...

– Ага. Хрен тебе, – рычит на меня, а потом срывается злобно как с цепи. – Блядь, Аня! Какого реально хера, а?!

Задело как, а...

– Ты слишком резко реагируешь, а я слышала, что... – не успеваю договорить, как глыба приподнимается с кресла и смотрит на меня волком, со всей дури сжав в кулаки покрывало.

– Я шучу-шучу, блин, Слава! Прости... – смеюсь я, пока он весь пыхтит. И так напрягся. – Хочешь я тебе массаж сделаю?

– Нет, нахрен, не хочу, – дёргается он и ложится обратно, отвернувшись от меня к стене. А я спрыгиваю с диванчика и иду к нему, присев рядом. Отчего он тут же вздрагивает и натягивается, как канат. – Свалила к себе... Быстро!

– Давай немного помну твои плечи... Устал же, – касаюсь его мышц на спине и готова поклясться – вижу мурашки, которые приподнимают волоски на его руках.

– Иди к себе, Аня. Меня не нужно трогать, мять и всякое такое. То, что у меня нет девушки, не значит, что у меня нет той, которую я трахаю, окей?! – агрессивно нападает он, и мне становится так неприятно.

– Я... Я же не для этого к тебе подошла. Фу, – тут же вспыхиваю и ухожу обратно, так сильно на него разозлившись из-за этих слов. Чурбан, блин. Неужели думал, что я с ним переспать хочу? Он вообще какого обо мне мнения? Что я уже делала это, да? Думает, что всюю занимаюсь этим? И, может, считает, что окучиваю его сейчас только для того, чтобы переспать с ним? Придурок...

Неожиданно для себя начинаю шмыгать носом, уткнувшись в подушку, а он вырубает свет. Наверное, минут пять я реву и чувствую себя ужасно. Меня всю потряхивает на месте от его умозаклечения.

– Ань... – слышится в темноте, но я не реагирую. – Про-

сти, что я так сказал... Но это правда. Мне не нужно тактильных ощущений. У меня есть всё. И это лишнее с твоей стороны. – добавляет, чем ещё хуже меня добивает. Я точно ему не нравлюсь. От слова совсем. – Анютка...

– Отстань от меня, верзила, – рывкаю на него, проглатывая тугой ком.

– О... Вот и обзывательства пошли... Ну чего ты ре-вёшь-то? Сама меня пидором обозвала...

– Я не обзывала! Я просто пошутила! – ответно рывкаю я и слышу, как он встаёт, а потом чувствую, что ложится рядом со мной и цепенею. Огромная рука вдруг обнимает меня, притиснув к себе, а я перестаю дышать. Просто перестаю. О, Боже...

Что происходит?

– Слав...

– Тихо, помалкивай просто.

Молчу и вслушиваюсь в стук своего сердца. Оглушает... Господи, как же волнительно с ним лежать. И какая тяжёлая у него ручища...

– Тебе просто одиноко. Не знаю, что у тебя случилось в семье. И какой конфликт с отцом, но всё закончится, когда ты сепарируешься полностью. Найдёшь себе мужика или будешь жить одна – не важно. Главное, что сейчас временный период в твоей жизни, который быстро закончится, Анютка. Тебе уже восемнадцать. Вырастишь и всё поймёшь... Занимайся чем хочешь. Если только это не алкоголь, наркотики

и проституция. Остальное твои родители тебе простят. Сейчас у тебя просто эмоции зашкаливают. Потому что возраст такой. И ты женщина ещё до кучи. В общем... Я хочу сказать тебе, что тебе это всё не нужно. Драться научишься и уезжай поскорее в свою столицу за перспективами. Всё просто... Как-то так...

– А если я не хочу уезжать? – спрашиваю его шёпотом через несколько секунд после услышанного.

– Захочешь. Всё равно придётся.

Несколько минут между нами лишь терпкое молчание... А ещё гул моего сердца. Потому что он всё ещё обнимает меня. И с ним так тепло. Так безопасно, что я хочу уснуть вот так...

– Спокойной ночи, – произношу в полудрёме, обхватив его руку своей. Чтобы не ушёл. Не знаю, свалит ли... Но засыпать с ним гораздо приятнее, чем одной...

Утром просыпаюсь в одиночестве. Он предупреждал, что по делам уедет, но я не думала, что так рано. Иду умыться и всякое такое. Потом спешу сделать завтрак. На этот раз яичница от меня никуда не денется. Воевать приходится только со сковородой, которая брызгается в меня маслом, словно атакует за вчерашнюю шутку про его хозяина.

Понять не могу почему мне было так хорошо. Улыбаюсь, как дурочка. Солнышку, звукам с улицы, пению птиц... Все-му.

Пусть он вчера сказал мне так, но я точно знаю, что не стал бы ложиться и обнимать меня просто так. Значит, что-то всё-таки есть в его сердце. Просто боится, что уеду? Что всё закончится? Я же чувствую, что нас тянет друг к другу...

С этими мыслями выхожу из душевой с полным чайником. Уже даже яичницу сделала. Да, как попало, но... Я старалась, честно. И без его помощи.

Иду обратно в его комнатку и застываю, увидев его, блин, с цветами прямо перед собой.

– Эммм...

– Ты завтрак приготовила?

– Ну... Да... – глаз не свожу с букета.

– Кароч... У тебя же днюха была. И тупо было с моей стороны. Так что... Возьми, – протягивает мне букет, а я готова отпустить на пол полный чайник и завизжать от радости, но у меня руки дрожат, блин.

– Так, давай я возьму, – перенимает у меня чайник и отдаёт цветы, а я тут же начинаю их нюхать. Я цветы обожаю. Для меня это признак мужского внимания. И вообще...

– Это не то, что ты подумала только... Это... Считай, что как от тренера просто, ага? За успехи. Всё, – он тут же выходит из коморки, а я продолжаю улыбаться, прижав к себе букет. Кажется, что сейчас начну танцевать с ним в обнимку.

Боже... Как же я по-женски счастлива...

И как это глупо всё-таки, наверное, выглядит.

Когда Слава возвращается, я уже ставлю их в какую-то

пятилитровую банку, потому что ваз тут нет. Но мне и так нравится. Мы садимся завтракать, а я не свожу с него подозрительного взгляда.

– Что?

– Ничего... Ты за ними специально ранним утром встал?

– Нет, я по делам ездил. Это просто бонус. Я уже говорил – не надумывай – ешь... – тут же ускользает от темы, потому что его, очевидно, злят такие вопросы. А мне бы хотелось услышать, что он встал и поехал мне за букетом специально. Потому что хотел порадовать. Меня одну. Единственную.

– Кстати, как тебе? – спрашиваю про яичницу.

– Ну... Скорлупы могло быть поменьше, а в целом ничего, – усмехается он, пока я цокаю.

– Я старалась вообще-то!

– И я ценю. Спасибо... Я пошутил, Анютка...

Взгляд непроизвольно падает на его ободранную руку.

– О... Что это? Как? Ты же в бинтах всегда...

– А это... Внимания не обращай.

– Но как же... Это свежее. Надо обработать, – тут же вскакиваю и тянусь за аптечкой. Знаю же, где лежит. Сама каждый раз обрабатываю свои ранки после душа.

Достаю перекись и как-то совсем неловко, по-тупому, сажусь на колени перед ним. Прямо на пол. Господи, у него сразу такой взгляд становится. Глаза темнеют, а брови хмурятся, потому что выглядит излишне интимно. Ещё бы штаны его попросила снять, блин, и волосы в хвост собрала...

– Что ты делаешь? – спрашивает, когда беру его руку в свою, стараясь не заикливать внимание на том, что уже сделано.

– Обработать хочу. Я сказала уже...

– Можно было как бы... Рядом сесть... – подставляет мне стул, и только я хочу подняться, как в двери застывает какая-то ошарашенная девушка.

– Слав... – замолкает, глядя на нас, пока я сжимаю его ладонь и сижу перед ним на коленях, как будто... Как будто... Блин! – Это кто? – спрашивает она, осматривая меня с ног до головы, и у меня замирает сердце...

Глава 15.

Аня Михайлова

– Это Аня, она у меня занимается, – отвечает он без лишней эмоциональной составляющей, и она тут же нервно, даже обиженно усмехается.

– Да... Я вижу, – уходит, а он тут же встаёт со стула и идёт за ней, обходя меня стороной, пока я так и остаюсь сидеть на полу на коленях, недоумеваю.

Это она, да? Красивая... Капец... Я надеялась, что она страшная, честно... Она, кажется, его возраста. Взрослая и, наверное, сформировавшаяся. Готовить умеет и работает, наверное, уже... Боже... Я такая жалкая, блин.

Выглядываю и краем уха прислушиваюсь к их разговору, от которого у меня внутри всё болит.

– Чё за дела, Тань? У нас с ней ничего нет, блин.

– Ага, я заметила... Что за цветы?

– Ну я подарил. У неё День Рождения был...

– М-м-м... А мне не дарил что-то... – звучит из её уст более чем ревниво и обиженно.

– Слушай, не будь такой. Не врубай собственницу. Зачем пришла?

– Не важно.

– Мне важно... Говори...

– Из-за Андрея пришла... Опять из дома убежал. Вторые

сутки нет.

– Ясно... Понял. Поищу тогда сегодня, – отвечает он, пока моё сердце носится по грудной клетке. Почему мне так больно? Почему я... Это испытываю?

– У тебя правда ничего с ней нет?

– Правда, я же сказал, – отрезает он категорично. – И это не значит, что у нас с тобой...

– Я знаю... Но я не хочу, чтобы так было.

– Всё, проехали... Девочке восемнадцать лет. Я просто учу её драться и всё. Андрюху тебе найду, будь на связи... – он начинает возвращаться, и я ухожу обратно, вытирая со щек слёзы. Хочется удавиться, когда он заходит внутрь, но я смотрю в одну точку. Восемнадцать лет и что? Его это типа останавливает? Дело только в возрасте или в ней? Или что ко мне нет совсем никаких чувств?

– Извини за это... – говорит мне впопыхах, усаживаясь обратно за стол. Я ещё и готовила ему... Тошно. Так радовалась тому, что он ночью меня обнимал.

– Да не за что извинять, – отвечаю ему прямо. – Приятного аппетита. – бросаю перед тем, как выйти из его коморки и ухожу рыдать, блин... Потому что не в состоянии справиться со своими эмоциями, которые накрывают меня с непреодолимой силой, как убийственная волна цунами. Никогда ещё я такой ревности не испытывала. Это выше моих сил.

Он не догоняет меня. Ничего из этого, что ещё раз доказывает, что нифига он так и не понял. Не увидел... Или про-

сто делает вид, что слепой, не знаю.

Но я начинаю его ненавидеть.

Оттого и тренировка, которая начинается через полчаса, становится такой сумасшедшей. Я не просто злая... Я бешенная.

А он продолжает делать вид, что не замечает, как груша отлетает от моих ударов, словно от пневматического молотка. И звуки стоят такие, что мою злость слышно издалека.

А когда он уезжает, якобы по делам, искать какого-то там Андрея, ничего мне не объяснив, я нарочно всё время провожу с его парнями, и мы тренируемся не на жизнь, а не смерть. Они даже учат меня чему-то. И, кстати, в их взглядах, я как раз замечаю интерес. Митяй, Саша и Лёша, как я запомнила... Смотрят на меня так, словно уже раздели и нагнули. Хотя чему я удивляюсь? Все парни в моём окружении такие же...

– Блин, ты крутая, реально... Для девчонки, которая ни разу не тренировалась раньше, вообще пушка.

– Правда? Слава так не считает...

– Да он злится просто, вот и всё.

– Чего ему злиться? – спрашиваю у парня по имени Митяй, пока он ржёт.

– Между нами. Он тебя трахнуть хочет, – усмехается, а у меня щеки начинают гореть.

– Фу! Чего?!

– Ой да ладно. Чё слишком старый для тебя? Может со

мною замутишь?

– Ага, сплю и мечтаю, блин!

– А я бы с тобой помутил, – обхватывает меня за плечо и чуть склоняет вниз, придушиваясь, и тут же получает от меня жёсткий удар локтем, начав кашлять. А потом я слышу.

– Это чё за хрень?! – вытягиваемся перед Славой, который замирает перед нами и смотрит на всех по очереди.

– Что? – спрашиваю я цинично. Только ему одному можно с противоположным полом общаться, да? Ишь как припекает... Аж глаза красными становятся.

– На разговор! – бросает мне грубо и идёт впереди, пока я психованно тащусь за ним.

Останавливаемся возле матов на моём привычном месте.

– Ты чё там с ними делаешь?! – возмущенно выпаливает и чуть ли не слюной брызжет от негодования.

– Что? Ты же сказал, если хочу что-то уточнить, то мне лично нужно обо всём спрашивать. Надеюсь, ты решил вопрос со своей девушкой, – подхватываю его волну, и он тут же раздувает свои ноздри.

– Так вот чё это было... Ну ясно. Ты мне мстишь, что ли? Только так нормально махать можно?! – агрессивно толкает он, вызвав у меня нервный смех.

– А ты что посмотреть хочешь, как я могу?! Я даже на лопатки могу тебя завалить! – бросаю ему, стискивая зубы и сжимая кулаки.

– Пиздец... – выдыхает он, сердито на меня взглянув. –

Ну давай, пошли. Покажешь, как меня на лопатки завалишь, девочка... Ни одного раза не жгнёшь – свалишь раз и навсегда отсюда, чтобы парням голову не дурить!

– Нифига себе тебя бомбит... – отрезаю я, останавливая его порыв уйти в сторону ринга. Он весь как бронепоезд. Казалось бы... Столько мощи. Только корпус, судя по всему, даёт трещину...

– Меня не бомбит. Я тебе уже объяснял. У нас соревнования. Ты их отвлекаешь... – как заведенный повторяет. Но я же вижу, что в глазах. Не слепая я. Я не могу как он всё отрицать. Он сам горит и меня поджигает.

– Ладно, хрен с тобой, пошли, – хватаю его за руку и тащу в сторону ринга. Пока он стискивает челюсть.

– Разошлись, нахрен, все! – прикрикивает на парней уже издалека. Аж током бьётся. Такой сейчас напряженный.

– В смысле?

– В смысле домой идите! На сегодня свободны! Вторник сделаю рабочим! Сваливайте! – рычит на них, как неадекват. Придурок, блин.

Он меня злит.

Я надеваю перчатки нарочно под гомон парней, которые уже собираются уходить. И так на него злюсь, что убить хочу.

Едва встаём с ним напротив друг друга, ещё даже зрители не расходятся, а я уже налетаю на него с убийственным порывом, желая отмутузить его от и до, но мне кажется, он вообще моих ударов не чувствует. Да ещё и уворачивается

столь умело, что из десяти ему прилетает только два.

– Доволен?!

– Нет ещё, не доволен! Работай! – орёт на меня, пока я продолжаю его долбить. А когда чувствую, что от усталости пот стекает по плечам и между лопаток, так снимаю с себя перчатки и добиваю его уже бинтами. Тем временем в зале уже вообще никого не остаётся... Только мы с ним. И я уже как-то подуспокаиваюсь. Потому что вместе с борьбой уходит и желание ругаться...

– Держи опору... Крепко стой на ногах. Бей корпусом – не руками... Да что б тебя, Аня!

– Я стараюсь, блин!

– Фигово стараешься! Дохлая как моль! Я тебя одним мизинцем сдвинуть могу! Что это за руки?! Макароны твёрже, я уверен – издевается он надо мной, а мне прям-таки тошно от его слов. Особенно, когда он нифига не подбадривающе шлёпает по ним, будто реально не чувствует никакой силы... Да и я хороша – проявлять рядом с ним такую слабость! Он ведь ясно показывает, что ему нужна сильная женщина. Под стать самому себе.

– Какой же ты гад! – выдаю обиженно и тут же бью ему в район солнечного сплетения, как учил, но он успевает поставить блок, закрывшись от меня. – Ненавижу тебя!

– Вот, ещё одно святое правило. Всегда будь готов. Противник бьёт тогда, когда больше всего не ждёшь.

– Я тебе не противник!

– Как знать, – отвечает с сарказмом.

– Ты никому не веришь...

– Не верю, – застывает передо мной, глядя в глаза. Каждый раз, когда я смотрю в его благородные карие, меня накрывает чем-то, словно одеялом. Рядом с ним исчезают все мои ориентиры. И плоскость кажется мне кривой, а горизонт теряет свои перспективы. Я не умею быть как он, но стараюсь... А ещё... Меня невозможно к нему тянет, будто магнитом... Даже сердце отстукивает в пламенных губах. Я, кажется, нашла своё истинное предназначение. Смотреть на него. Изучать его повадки. Подчиняться... И где-то даже, возможно, немножечко хотеть. Как женщина хочет мужчину. Хотя я и не умею ничего такого. Но, чёрт возьми, как он хорош. Я уже не могу без него. Мы каждый день как на ринге, даже когда не дерёмся.

Почему-то же он на меня так смотрит. Я ловлю в этом суровом мужском взгляде нечто большее, чем он показывает или говорит напрямую. Его кадык дёргается на мгновение, а сам он выглядит напряжённым и взволнованным. Особенно когда наши взгляды переплетаются в безмолвной схватке, как сейчас.

– Мне тоже? – спрашиваю дрожащим шёпотом, в надежде услышать, что как раз мне-то он доверяет, всё-таки мы уже многое знаем друг о друге, но не тут-то было!

– Особенно тебе, – усмехается он в ответ, и я тут же бросаюсь к нему с поцелуем, ведь мне уже сил не хватает бороться

с этим притяжением, но успеваю только мазнуть его губами по щетинистому подбородку и вдохнуть насыщенный запах кедра, табака и бергамота, потому что он дёргается назад, как от электрического тока, и хмурится, поймав мои глаза своими. – Чё это за хрень сейчас была?! Аня?!

– Я... Я просто хотела...

– Тренировка закончена на сегодня... – бросает он напоследок, спрыгивая с ринга, снимает перчатки и уходит прочь, даже не обернувшись...

Моё сердце тотчас же устраивает такой замес внутри, что я не могу просто стоять. И кидаюсь вслед за ним. Потому что с меня хватит! Я устала притворяться, устала ждать, когда он сам дойдёт до чего-то!

Догоняю ещё в коридоре, резко схватив его за плечо.

– Ты просто ревнуешь, вот и всё! – выпаливаю нервно, практически раздраженно. Но самое главное, что уверенно.

– Чего? Иди проспись, а, – пытается уйти, но я толкаю его в спину.

– Трус!

– Чё ты сказала?! – напрягается он, обернувшись и раскинув плечи.

– Напугать меня что ли этим думаешь?!

– Ты задолбала меня! Вали, нахер, отсюда, Аня! Я не шу-чу! – повышает голос и хрипит так, словно вот-вот бомбанёт. Ну и пофиг мне, я не из слабаков. Пусть даже не надеется!

– Ну ладно тогда, свалю... Я свалю, Слава, как ты гово-

ришь! Но если к парню своему приходиться сюда буду, ты же не сильно разозлишься, да? – бросаю с улыбочкой, и мне кажется, у кого-то сейчас точно случится внутренний коллапс. – Кто тебе ближе всего? Митяй или Саня? – интересуюсь нагло, решив, что либо ва-банк, либо никак. И у Славы окончательно срывает тормоза.

Он рывком придавливает меня к стене, обхватив за волосы до жжения и остановившись в миллиметре от моего лица... И с этой волной кипящего дыхания я ловлю и все его феромоны тоже. То самое, что мне в нём так сильно нравится. Пока мои ноги оплетают его, я чувствую такую мужскую эрекцию между ними, что дрожу на нём, выпучив свои глаза от страха.

– Провоцируешь. Доигралась?

Ощущаю, как его рука сжимает мою задницу, и издаю какой-то совершенно покладистый эмоциональный чувственный стон, одной ладонью проводя по мышцам на его спине, которые сейчас, словно камни, об которые можно пораниться. А он просто как булыжник, блин. Как надгробная плита. Как Сармат. Тяжёлый, взрывной и опасный.

И я ощущаю, что в момент теряю связь с реальностью, потому что он, удерживая и припечатывая меня к стене, лезет руками прямо под мою одежду, а мне становится трудно дышать...

– Слав... У меня ещё не было никого. Я... Девственница... Слав... – сквозь его животное дыхание и поцелуи, ко-

торыми он не целует, а грызёт мою шею, произношу, и ощущаю, как эта груда камней с новой силой давит меня к поверхности и, кажется, уже ничего не слышит...

Глава 16.

Вячеслав Соколов

Бомбануло так, что я и скулежа её не могу разобрать. Нухер вот так провоцировать? Доводить до точки кипения? Чтобы что?!

Мне кажется, она создана, чтобы из мужика верёвки вить. Такая по натуре.

Но, твою мать, какая же она на ощупь. Пиздец просто...

Кожа – бархат. Нежная, сладкая.

И она кажется мне чем-то хрупким и недостижимым, словно лепесток нежного цветка, раскрывающегося под утренним солнцем. То, что я как дикарь сейчас без зазрения совести, уничтожаю... Потому что в каждом изгибе её читается чистота и лёгкость. Что-то неземное. Слишком ценное и очень ранимое. То, что хочется познавать. Раскрывать. Касаться...

Мне кажется, я даже в шестнадцать с таким кайфом женщину не трогал. И ведь не целую её даже. Губ не касаюсь. Потому что женские губы – самая опасная вещь на свете. Места, которых они касаются, потом всю жизнь горят адским пламенем, напоминая о боли и ошибках... Но один хрен она уже в моих венах вместе с кровью перемешалась. Я понять не могу, как так вышло. Не впускал же. Не собир

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.